

МАТЕРИАЛЫ ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(МАЙ — ИЮНЬ)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(24 мая)

Вышинский напомнил, что представители четырёх держав не в первый раз сталкиваются с проблемой экономического и политического единства Германии. Ещё во время войны, на Крымской конференции руководители трёх великих держав — СССР, Соединённых Штатов Америки и Великобритании — уделили своё основное внимание этому вопросу. Установив тогда свою политику в отношении Германии, они поставили перед собою важнейшую историческую задачу — уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Руководители правительств СССР, США и Великобритании признали тогда, что решение вопроса о судьбе гитлеровской Германии возможно лишь на основе указанной программы. Впоследствии к этому присоединилась и Франция.

— Это было, как всем нам известно, — продолжал Вышинский, — накануне разгрома гитлеровской Германии. Спустя два месяца на Потсдамской конференции, уже после капитуляции гитлеровской Германии, было достигнуто новое соглашение об экономических и политических принципах координированной политики союзников в отношении Германии. Потсдамская конференция в качестве важнейшей цели политики четырёх держав в отношении Германии провозгласила преобразование Германии на демократической и мирной основе, исходя из признания Германии в качестве единого политического и экономического целого; это нашло своё выражение, в частности, в том, что было решено создать ряд германских административных департаментов, возглавляемых государственными секретарями.

— Таким образом, — заключил Вышинский, — уже на Потсдамской конференции державы-победительницы признали, что они будут обращаться с Германией как с единым целым в экономическом и политическом отношении, и это было вполне правильно; лишь при условии соблюдения принципа единства Германии в экономическом и политическом отношении возможно осуществление тех задач, какие поставили перед собой руководители четырёх правительств в своей политике в отношении Германии. Эта политика должна была обеспечить ликвидацию германского

милитаризма и фашизма, должна была обеспечить развитие германской мирной промышленности, сельского хозяйства и всего народного хозяйства Германии, должна была обеспечить развитие внутренней и внешней торговли, экономических связей между Германией и другими странами, что облегчило бы как удовлетворение нужд и мирных потребностей германского народа, так и выполнение его обязательств перед союзниками.

Дальнейшее развитие принципов указанной выше политики в отношении Германии нашло своё выражение в постановлениях, принятых в 1947 году на 4-й сессии Совета министров иностранных дел в Москве, когда министры Франции, Великобритании, США и СССР пришли к заключению о необходимости подготовить мероприятия, направленные на создание временного общегерманского правительства. Я подчёркиваю, — сказал Вышинский, — общегерманского правительства. Это заключение соответствовало принятому на Потсдамской конференции принципу политического единства Германии и явилось конкретизацией этого принципа.

Вышинский напомнил, что Московская сессия Совета министров иностранных дел подробно определила полномочия будущего центрального германского правительства, подчеркнув, что это правительство «будет компетентно принимать законодательные и исполнительные меры в целях обеспечения необходимого единства». Далее было указано, что речь идёт о политическом единстве, экономическом единстве, финансовом единстве и юридическом единстве. К компетенции центрального правительства делегации четырёх держав — СССР, Франции, Великобритании и США — отнесли такие вопросы, как выпуск денежных знаков и монеты, координация банковских дел, обложение налогами, контроль над экспортом и импортом и над иностранной валютой, а также внешнеторговые и таможенные дела. Представители трёх держав — СССР, США и Великобритании — отнесли к компетенции центрального германского правительства, сверх того, мероприятия по контролю над поставками продовольствия, по распределению дефицитного продовольствия и сырья, по планированию промышленности, по контролю над условиями труда, заработной платой и ценами и ряд других важных вопросов общегерманского значения.

Вышинский напомнил также о соглашении относительно контрольного механизма в Германии, подготовленном ещё Европейской консультативной комиссией. Согласно этому соглашению, верховная власть в Германии по всем вопросам, затрагивающим Германию в целом, должна осуществляться главнокомандующими союзных вооружённых сил зон оккупации Германии совместно, для чего четыре главнокомандующих и образовали верховный контрольный орган, называемый Контрольным советом. В задачи Контрольного совета были включены:

1. Обеспечение соответствующей согласованности в действиях главнокомандующих в их зонах;
2. Выработка планов и достижение согласованных решений по главным военным, политическим, экономическим и другим вопросам, общим для всей Германии;
3. Контроль над германской центральной администрацией;
4. Руководство через соответствующие органы администрацией Большого Берлина.

— Таковы были четыре важнейшие области вопросов, — сказал Вышинский, — которые возлагали на Контрольный совет определённые обязанности. Из этого видно, что весь механизм Контрольного совета был приспособлен к тому, чтобы осуществить демилитаризацию и демократизацию Германии, к тому, чтобы содействовать преобразованию Германии в единое демократическое миролюбивое государство. Советское правительство в течение всего времени деятельности Контрольного совета неизменно стремилось к осуществлению этих задач. Оно справедливо считало деятельность Контрольного совета, построенную в соответствии с указанными задачами, важнейшим условием предотвращения опасности возрождения германской агрессии, проведения демократизации Германии и удовлетворения законных требований союзных государств, пострадавших от германской агрессии. Позиция Советского Союза в вопросе о германских репарациях хорошо известна. Однако по всем этим вопросам Совет министров иностранных дел до сих пор не смог прийти к согласованным решениям.

Вышинский отметил, что правительства США, Великобритании и Франции стали на путь трёхсторонних решений и мероприятий, которые находятся в явном противоречии с ранее принятыми решениями четырёх держав — США, Великобритании, СССР и Франции — по германскому вопросу. К числу таких мероприятий относится и план создания западно-германского правительства, предназначенный для закрепления раскола Германии, — план, рассчитанный на противопоставление западной части Германии остальной Германии. Тем же целям служат и принятые в апреле этого года в Вашингтоне решения правительств США, Великобритании и Франции об основных принципах слияния трёх оккупационных зон Западной Германии, решения о так называемом оккупационном статуте для Западной Германии, а также трёхстороннее соглашение о создании контрольного органа для Рура.

Что касается Рура, — сказал Вышинский, — то советское правительство ещё на Потсдамской конференции предложило признать, что Рурская промышленная область, как неразрывная часть Германии, должна находиться под совместным контролем США, Великобритании, СССР и Франции. Советское правительство предлагало тогда создать для Рурской промышленной области на определённый срок специальный Союзный совет, который состоял бы из представителей указанных держав. Эта позиция СССР хорошо известна, и я на ней подробно не стану останавливаться.

Вышинский подчеркнул, что советское правительство придавало и придаёт большое значение вопросу о Руре. Советское правительство считало и считает неправильным такое положение, при котором Рур, имеющий исключительное значение в военном и промышленном отношениях, находится вне международного контроля на четырёхсторонней основе. Неправильно также и то, что Контрольный совет в Германии отстранён от рассмотрения и решения вопросов, связанных с Рурской областью, в частности от контроля за производством и распределением угля и стали, играющих решающую роль во всей экономике Германии. Организация международного контрольного органа по Руру из представителей США, Великобритании, Франции и СССР с участием в Союзном совете для консультаций по вопросам, связанным с производством и распределением продукции Рура и других пограничных с Германией государств, особен-

но заинтересованных в германском вопросе, а именно, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Дании, Польши и Чехословакии, а также представителей немецких экономических органов, явилась бы надёжным способом обеспечения надлежащего международного контроля над Рурской промышленной областью.

Не останавливаясь в данное время подробно на всех мероприятиях западных держав в отношении Западной Германии и, в частности, Рура, так как отношение советского правительства к этому было достаточно освещено и хорошо известно, советская делегация считает необходимым подтвердить свою позицию в отношении этих мероприятий и вновь заявить, что они находятся в противоречии с интересами мира и безопасности народов Европы.

Советское правительство стояло и стоит за установление экономического и политического единства Германии. Советское правительство стремилось к тому, чтобы в таком направлении развивалась деятельность Контрольного совета, который призван осуществлять в период оккупации верховную власть в Германии и обеспечить осуществление демилитаризации и демократизации Германии, обеспечить её преобразование в единое миролюбивое демократическое государство.

В заключение своего выступления Вышинский представил Совету министров иностранных дел конкретные предложения советской делегации, в которых говорится следующее:

1. В целях обеспечения экономического и политического единства Германии:

а) Восстановить деятельность Контрольного совета в Германии на прежней основе, как органа, призванного осуществлять верховную власть в Германии.

б) Восстановить Межсоюзную Командатуру Берлина для координации общегородских мероприятий по управлению Берлином и для обеспечения нормальной жизни Берлина в целом.

2. Считая, вместе с тем, что экономическое и политическое единство Германии невозможно осуществить без создания единого германского центрального органа, в ведении которого находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом, признать необходимым:

а) Создать на основе существующих в настоящее время в Восточной и в Западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет.

б) Восстановить общеберлинский магистрат.

Вопрос о сроке выборов в общеберлинский магистрат передать на рассмотрение Межсоюзной Командатуры Берлина.

«Известия» №121 (9961)
от 25 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(25 мая)

Сегодня я хотел бы кратко ответить на замечания, сделанные вчера представителями США, Великобритании и Франции по поводу предложений, внесённых на рассмотрение Совета министров иностранных дел советской делегацией...

Мне кажется, что имеются все основания отметить то обстоятельство, что и г-н Ачесон, и г-н Шуман, и г-н Бевин в своих вчерашних выступлениях ссылались на Потсдамское соглашение, как на исходную позицию в данном вопросе.

Г-н Ачесон заверял, что политика Соединённых Штатов Америки в отношении Германии управлялась от потсдамских решений и что, в сущности говоря, в американской зоне оккупации Германии всё, что требовало Потсдамское соглашение, уже проведено в жизнь: денацификация и демилитаризация почти выполнены, все преступники войны преданы суду и наказаны и, как сказал Ачесон, «германский народ уже действует на демократических началах». Правда, г-н Ачесон сделал тут же оговорку, из которой следовало, что задача денацификации и демилитаризации почти выполнена, что в Западной Германии не все органы действуют на основе законов, на принципах демократического государства, а лишь *многие* органы.

Эта оговорка, конечно, имеет немалое значение, так как вносит существенный корректив в оптимистическую картину положения в западных зонах оккупации Германии. Оговорка г-на Ачесона была сделана кстати, особенно если иметь в виду некоторые факты, имеющие место в западных зонах Германии, далеко не свидетельствующие о процветании в этих зонах демократических порядков.

Г-н Шуман со своей стороны признал, что в Потсдаме были предусмотрены меры, чтобы поставить Германию на путь единства. Беда, однако, по словам г-на Шумана, заключалась в том, что «разные пирамиды были построены на разных принципах, причём для этих пирамид не было общей крыши». В результате, как это было описано здесь г-ном Шуманом, возникли разногласия в Совете министров и в Контрольном совете. Обнаружилось, что Союзный контрольный совет не был в состоянии осуществить и обеспечить сотрудничество четырёх держав и не был в состоянии подготовить единство Германии, что входило в его компетенцию, в соответствии с Потсдамским соглашением. Таким образом, главное, на что я хотел обратить внимание, это то, что г-н Шуман также подтвердил необходимость в решении германского вопроса исходить из Потсдамских соглашений.

Что касается г-на Бевина, то здесь он прямо заявил, что британское правительство — я цитирую по русской стенограмме — «всегда прилагало всяческие усилия к тому, чтобы полностью придерживаться тех условий, которые были установлены Потсдамским соглашением в 1945 го-

ду». Г-н Бевин тут же сослался на пункт «с» параграфа 15 потсдамских решений, где говорится о необходимости установить союзный контроль для обеспечения равномерного распределения основных предметов между зонами с тем, чтобы создать сбалансированную экономику во всей Германии и сократить необходимость в импорте. Остаётся только непонятным, почему г-н Бевин выделил пункт «с» из всего параграфа 15 и как будто бы не придал значения другим пунктам этого параграфа? Почему, в частности, он не напомнил о пункте «а» того же параграфа 15, где говорится о необходимости выполнения программы индустриального разоружения и демилитаризации Германии, или о пункте «д» того же параграфа, где говорится о контроле над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными сделками, включая экспорт и импорт, с целью предотвращения развития военного потенциала Германии и достижения других задач, указанных в этом соглашении, между тем это важные пункты, и, казалось бы, нужно было говорить не об одном пункте «с», а обо всём параграфе 15 и не забывать не менее важные пункты, которые имеют актуальное значение. Почему-то г-н Бевин не сделал ссылки и на параграф 14, в котором говорится о том, что «в период оккупации Германия будет рассматриваться как единое экономическое целое», или на другие параграфы этого очень важного раздела Потсдамского соглашения, установившего экономические принципы политики оккупирующих держав в отношении Германии.

Как бы то ни было, все три оппонента — министры иностранных дел США, Франции и Великобритании — в основу своих вчерашних выступлений положили признание обязательности для себя и для политики своих правительств в отношении Германии принципов, установленных Потсдамским соглашением. Они, однако, обошли в своих вчерашних выступлениях такие важнейшие принципы Потсдамских соглашений, как принципы экономического и политического единства, хотя как раз этот вопрос и стоит в повестке дня настоящей сессии Совета министров иностранных дел и этим именно вопросом мы и должны заниматься. Больше того, они заявили, что осуществление германского единства оказалось невозможным, что Германия, как вчера говорил г-н Ачесон, «совершенно автоматически распалась на отдельные клеточки». Как говорил вчера г-н Ачесон, за этим распадом последовал в таком же автоматическом порядке процесс восстановления — сначала была создана Бизония, потом Тризония, и, как объяснил г-н Ачесон, всё это произошло в результате «невозможности иметь единую Германию».

С таким объяснением советская делегация не может согласиться. В таком объяснении не всё в порядке. В самом деле, если невозможно иметь единую Германию, если невозможно иметь единство Германии, то единство, которое является предметом обсуждения Совета министров, то спрашивается, как же быть тогда с принципами Потсдамских соглашений, на которые ссылались вчера и Ачесон и остальные министры западных держав, как якобы на непреложное и обязательное руководство в своей политике в отношении Германии. Тут очевидное противоречие, устранить которое можно лишь следуя принципам Потсдамского соглашения.

Не более прав г-н Шуман, который раскол Германии вчера объяснял не теорией «автоматического распада Германии на клеточки», а тем,

как он сказал, — я опять пользуюсь русской стенограммой, — что «некоторым державам не удалось уклониться от искушения».

Все эти рассуждения нужны были, очевидно, для того, чтобы обосновать возражения против восстановления Союзного контрольного совета в Германии. Г-н Шуман вчера сказал, что восстановление Союзного контрольного совета в Германии не является решением вопроса, а г-н Ачесон восстановление четырёхстороннего контроля назвал шагом назад.

Следует ли это понимать так, что контроль несвоевременен, что, следовательно, теперь невозможно говорить о восстановлении контроля потому, что, как здесь говорили вчера, это будет шагом назад? Но чем же тогда объяснить, что только в апреле 1949 года было подписано в Вашингтоне соглашение о трёхстороннем контроле в Германии, которое установило, что будет действовать верховная комиссия, как называли эту комиссию из представителей США, Англии и Франции авторы этого соглашения, в составе одного верховного комиссара от каждой державы, и что она будет являться верховным союзным органом контроля. Целый ряд пунктов этого соглашения посвящён этому контролю.

Таким образом, выходит, что трёхсторонний контроль своевременен, а четырёхсторонний — несвоевременен. Выходит, что трёхсторонний контроль — шаг вперёд, а четырёхсторонний контроль — шаг назад.

Что это означает? Не означает ли это, что, говоря о несвоевременности и нецелесообразности восстановления Союзного контрольного совета на четырёхсторонней основе, по существу выступают именно против четырёхстороннего контроля, т. е. против контроля с участием Советского Союза? Если всё это расшифровать, то получается так: мы будем осуществлять контроль без Советского Союза, с Советским Союзом мы не хотим осуществлять контроль. Правильна ли такая расшифровка позиции западных делегаций? Если это правильно, то тогда все говорить о единстве.

Вот почему советская делегация никак не может признать убедительными те доводы, которые были выдвинуты здесь против нашего предложения восстановить деятельность Контрольного совета на четырёхсторонней основе. Конечно, могут сказать — мы не согласны восстановить деятельность Контрольного совета потому, что в Контрольном совете решения должны приниматься не большинством голосов, а по принципу единогласия. Это нас связывает, это нам, мол, неприемлемо. Но следует напомнить, что и в Вашингтонском соглашении о трёхстороннем контроле предусматривается единогласное решение по ряду вопросов. Поэтому и такой довод против предложения советской делегации о восстановлении деятельности Контрольного совета едва ли может кого-либо удовлетворить.

Мы предлагаем восстановить деятельность Контрольного совета на прежней основе, т. е. на основе Потсдамского соглашения, т. е. тех самых соглашений, которые подтверждены были здесь вчера всеми тремя министрами — США, Великобританией и Францией.

Сегодня я пользуюсь представленной мне возможностью для того, чтобы подкрепить вчерашние мои соображения дополнительными соображениями в пользу нашего предложения.

Перехожу к другим вопросам. Вчера здесь мы слышали указание на то, что создание Бизонии и Тризонии представляет собой прогрессивное явление в деле обеспечения единства Германии. Но если действительно

стремиться к созданию центрального германского правительства, о чём вчера говорил г-н Бевин, то нельзя не заметить, что завершение образования бizonальной или тризональной системы власти является мало подходящим способом для облегчения создания общегерманского правительства.

Г-н Ачесон, как можно было его вчера понять, отрицательно относится к предложению советской делегации об образовании Общегерманского Государственного Совета. Я должен напомнить это предложение советской делегации о создании Общегерманского Государственного Совета.

Предложение советской делегации заключается в том, чтобы создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет в качестве экономического и административного центра Германии, с правительственными функциями в указанных выше областях экономического и государственного строительства при сохранении верховной власти Контрольного совета.

Это предложение г-н Ачесон склонен рассматривать как шаг назад. Так ли это в действительности? Советская делегация думает, что это не так, что это не шаг назад. В действительности предложение советской делегации создать Общегерманский Государственный Совет является шагом вперёд на пути к установлению единства Германии.

В самом деле, разве возможно осуществить экономическое и политическое единство Германии без создания единого центрального германского органа? Общегерманский Государственный Совет и должен явиться в настоящих условиях таким германским единым центральным органом с правительственными функциями, в ведении которого находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом, при сохранении верховной власти Контрольного совета.

Я позволю себе поставить моим коллегам вопрос — имеется ли такой орган в настоящее время, имеется ли орган, который являлся бы центральным общегерманским органом в настоящее время? Вы не можете сказать, что такой орган есть, потому, что его в действительности нет. В таком случае, как можно говорить, что создание такого общегерманского центрального органа является шагом назад? Нам говорят — это шаг назад, потому что мы, на западе, пошли дальше. Но я повторяю: на западе нет центрального общегерманского органа, и поэтому ошибаются те, которые считают, что они пошли на западе дальше. Больше того, на западе, как хорошо всем известно, как раз делаются шаги не в сторону образования такого общегерманского центрального органа, а в обратном направлении — от образования общегерманского центрального органа к образованию зональных органов власти, как бы вы их ни называли, — бizonальные это будут органы или тризональные, это всё же — зональные органы.

Вот почему советская делегация считает, что её предложение — создать общегерманский центральный орган на указанной выше основе и с указанными выше функциями — является действительным шагом вперёд, способным обеспечить, облегчить, во всяком случае, единство Германии в экономическом и политическом отношениях.

Здесь вчера говорили о том, что нельзя игнорировать то, что уже существует, что следует исходить из реального. Если этот упрек брошен в сторону советской делегации, то это несправедливый упрек. Ведь в пункте «а» параграфа 2 предложений советской делегации, которые были вчера представлены Совету министров, говорится совершенно отчетливо — «создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет» и т. д.

Неправильно поэтому изображать дело так, будто бы советская делегация не считается с реальным положением, о чём вчера здесь говорилось: будто бы предложение советской делегации представляет собой призыв вернуться к прошлому, является будто бы шагом назад.

Вопрос о единстве Германии в экономическом и политическом отношении и об условиях его осуществления является весьма важным вопросом. Внесённые советской делегацией предложения, по нашему убеждению, представляют собой реальный и действительный шаг вперёд на пути к обеспечению единства Германии. Вот почему советская делегация поддерживает предложения, которые она внесла в Совет министров иностранных дел на вчерашнем заседании.

«Известия» №122 (9962)
от 26 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(26 мая)

Советские предложения сформулированы достаточно ясно и определённо, сказал Вышинский. Кажется, они не требуют разъяснений; тем не менее, поскольку г-н Шуман хотел бы получить дополнительные разъяснения, советская делегация готова их дать.

Советская делегация считает, что экономическое и политическое единство Германии нельзя осуществить без создания единого германского центрального органа. Это — первое положение.

Этот орган должен ведать вопросами экономического и государственного строительства, имеющими значение для всей Германии в целом. Это — второе положение. Третье положение заключается в том, что Общегерманский Государственный Совет должен быть создан на основе существующих ныне в западных и восточной зонах немецких экономических органов.

Четвёртое положение состоит в том, что Общегерманский Государственный Совет должен обладать правительственными функциями, т. е. он должен быть органом правительственного характера, действующим при сохранении верховной власти Контрольного совета.

Таково наше предложение. В нём можно найти ответ на вопросы, заданные г-ном Шуманом, и, в частности, на вопрос о том, предусматривают ли советские предложения какое-либо изменение в отношении автономии, как выразился г-н Шуман, или в отношении существующей политической структуры в западных или в восточной зонах Германии.

Советские предложения исходят из того, что в восточной зоне оккупации, с одной стороны, и в западных зонах — с другой, существуют некоторые экономические немецкие органы. Деятельность их можно было бы координировать, создав на основе их Общегерманский Государственный Совет с правительственными функциями, как об этом было сказано выше.

— Здесь говорили, — сказал далее Вышинский, — о необходимости предоставить немцам большую самостоятельность в рассмотрении вопросов экономического и государственного строительства. Советское предложение об организации Общегерманского Государственного Совета на основе существующих немецких органов и направлено именно на то, чтобы немцам была предоставлена возможность самим решать общегерманские вопросы экономического и государственного строительства.

Принятие советского предложения обеспечило бы реальную материальную базу, на которой немецкий народ мог бы не на словах, а на деле заняться решением указанных проблем.

— Вчера г-н Шуман, — продолжал Вышинский, — с некоторым недоверием отнёсся к советским предложениям в той их части, которая касается экономических органов. Почему наше предложение говорит об экономических немецких органах, а не о каких-либо других органах, — спрашивал г-н Шуман. По очень простой причине, г-н Шуман. Потому что других подходящих немецких органов в оккупационных зонах в настоящее время не существует.

Советское предложение исходит из того, что есть в действительности. Правительство СССР считает необходимым строить единство Германии из того материала, который имеется, строить здание из тех кирпичей, которые существуют. Правительство СССР и действующая от его имени здесь советская делегация предпочитают предлагаемый нами путь не потому, что экономические мероприятия им кажутся предпочтительнее политических, а потому, что нужно брать за основу то, что есть сейчас в действительности.

Далее Вышинский напомнил, что советская делегация ещё на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел в 1947 году ставила вопрос о необходимости привлечения самих немцев к решению проблем государственного строительства Германии. Советская делегация уже тогда заявляла, что осуществление экономического и политического единства Германии невозможно без активного участия самого немецкого народа в решении этой задачи.

— Теперь, два года спустя, к этой мысли пришли и другие делегации, — заметил Вышинский.

В заключение министр иностранных дел СССР подчеркнул, что он взял слово лишь для того, чтобы ещё раз кратко пояснить позицию советской делегации в отношении обсуждаемого вопроса, о чём просил его Шуман.

ВТОРОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

Взявший вновь слово А. Я. Вышинский заявил, что после выступлений Шумана, Ачесона и Бевина ему невольно приходится возвращаться к вопросам, которые были им уже разъяснены.

— Вчера и сегодня, — сказал Вышинский, — нам говорят, что вопрос о Контрольном совете — это вопрос скорее формы, чем существа. Нам говорят, что вопрос о восстановлении четырёхстороннего союзного контроля должен быть решён лишь после того, как будет решена вся совокупность различных экономических и политических вопросов, относящихся к Германии. Можно было бы не возражать против этого, если следовать арифметическому правилу, что от перемены мест слагаемых сумма не меняется. Но мне кажется, что дело не в том, в каком порядке мы должны рассматривать те или другие проблемы. Дело в том, что вопрос о Контрольном совете — это не формальный вопрос. Он неотделим от существования германской проблемы.

Касаясь вчерашнего заявления Бевина о том, что он считает целесообразным ограничить союзный контроль вопросами безопасности, Вышинский сказал:

— Всё ли ясно в этом отношении в позиции самих западных держав? Вчера, 25 мая 1949 года, Бевин говорил, что немцы «должны сами развиваться и нам только следует обеспечить, чтобы они опять не создавали какого-то военного потенциала, не начали какого-то вооружения и т. д.». Он настаивал, чтобы контроль ограничился лишь вопросами безопасности. Но известно, что только месяц тому назад г-н Бевин, вместе с представителями США и Франции, подписал в Вашингтоне соглашение о трёхстороннем контроле и соглашение об оккупационном статуте. В этих двух соглашениях задачи контроля трактуются гораздо шире, чем вопросы безопасности. Если обратиться к тексту оккупационного статута, то можно увидеть, что имеется в виду контроль над внешней торговлей, над валютными операциями, над внешними сношениями, над международными соглашениями, заключаемыми Германией или от её имени, над внутренними делами Германии и т. д. Всё это записано в ряде пунктов параграфа 2 трёхстороннего соглашения об оккупационном статуте. Указанные вопросы можно отнести к категории вопросов безопасности лишь при очень вольном толковании.

Вышинский напомнил, что положение о контрольном механизме в Германии, выработанное Европейской консультативной комиссией в мае 1945 года в Лондоне, и Потсдамское соглашение достаточно чётко определили объём союзного контроля. Он показал, что трёхсторонний контроль, установленный западными державами в Тризонии, отнюдь не является более ограниченным, нежели тот, который был предусмотрен указанными соглашениями. «Разница только в том, — заметил Вышинский, — что оккупационный статут представляет собой ухудшенное издание хороших документов».

В связи с тем, что Ачесон противопоставил позицию советской делегации, отстаивающей принцип единогласия в Контрольном совете, позиции западных держав, которые настаивают на принципе решения вопросов большинством голосов, Вышинский сказал:

— Решать вопросы на основе единогласия — это обычный метод международных конференций, где участвуют представители равных, суверенных государств, где нужно договариваться, а не предписывать свои решения большинством голосов. Нельзя согласиться с г-ном Ачесоном, который назвал метод единогласия «негодной методикой». Свою методику, предусматривающую равенство всех участников международных конференций, мы считаем правильной.

Вышинский отметил далее, что и Вашингтонское соглашение о трёхстороннем контроле также предусматривает единогласие при разрешении всех важнейших вопросов, относящихся к демилитаризации Германии, к контролю над Руrom, к реституциям (возвращение имущества, захваченного врагом), к репарациям, к осуществлению декартелизации, к внешней торговле, к иностранным интересам в Германии, к внешним отношениям и т. д.

— Почему же допустим трёхсторонний контроль на основе принципа единогласия, а четырёхсторонний контроль — недопустим? — спросил Вышинский.

Далее Вышинский обратил внимание на тот пункт соглашения о трёхстороннем контроле, который содержит довольно странное правило, дающее участникам этого контроля право голоса пропорционально средствам, отпускаемым соответствующими правительствами Западной Германии.

— Согласно этому правилу тот, кто ассигнует больше средств, получает и соответственно большее количество голосов при решении вопросов. Кроме того, если в данном вопросе заинтересовано объединённое Экспортно-импортное агентство или объединённое агентство по вопросам иностранной валюты, то решающий голос, как записано в соглашении, принадлежит США. Вот уже поистине одногласие в прямом смысле этого слова! Один голос США решает дело. Так, по крайней мере, сказано в самом соглашении. Это отнюдь не демократический способ решения вопросов. Мы считаем, что от добра добра не ищут. Хорошее правило было установлено в Потсдаме, и лучше вернуться к забытому хорошему правилу, нежели пытаться установить плохое новое, вроде того, какое записано в соглашении о трёхстороннем контроле, принятом в Вашингтоне в апреле 1949 года.

Касаясь вопроса о функциях Контрольного совета, Вышинский сказал: — Здесь говорили, что за четыре года, которые прошли со времени утверждения положения о Контрольном совете, произошли существенные изменения в жизни германского народа. В связи с этим, быть может, следовало бы рассмотреть вопрос о том, все ли функции Контрольного совета должны сохраняться в прежнем виде. Советская делегация считает, что можно было бы рассмотреть этот вопрос, имея в виду возможность передачи некоторых функций Контрольного совета немецким органам без ущерба для компетенции Контрольного совета, как органа, осуществляющего верховную власть в Германии.

В связи с тем, что Ачесон значительную часть своего вчерашнего выступления посвятил восхвалению экономического положения в западных зонах Германии, Вышинский привёл ряд фактов и цифр, освещающих это положение в ином свете.

— Об экономическом положении Бизонии, — сказал он, — можно судить не только по данным, приведённым г-ном Ачесоном, но и по таким

вопросам, как уровень цен и стоимости жизни. По данным, опубликованным статистическим управлением Бизонии, индекс (показатель) цен на пищевые продукты возрос с июня 1948 года по начало 1949 года со 123,5 до 152,2. Индекс цен на промышленные товары вырос за то же время со 175,6 до 216,2, а общий индекс возрос со 154,8 до 190,6, при этом за 100 берутся цены 1938 года. Естественно, что это не могло не отразиться и на индексе стоимости жизни семьи рабочего. Если принять уровень 1937 года за 100, то индекс стоимости жизни в 1946 году составил 125,1, в январе 1948 года — 125,9, а в декабре 1948 года он поднялся до 144,1. По данным гамбургского статистического управления, индекс стоимости жизни рабочей семьи сейчас достигает 190 — по сравнению с 1938 годом.

Вышинский отметил также, что в западных зонах Германии значительно возросла безработица. По данным, опубликованным в английской печати в начале мая, за последние пять месяцев количество безработных увеличилось в два с половиной раза.

— В таких условиях, — сказал Вышинский, — естественно, что покупательная способность населения снижается, возможности сбыта товаров широкого потребления на внутреннем рынке Западной Германии сокращаются, а торговый оборот падает. Таковы факты, которые нужно иметь в виду, характеризуя экономическое положение Тризонии.

Далее Вышинский привёл ряд фактов, характеризующих экономическое положение советской зоны оккупации Германии. Он сказал: — Начиная со второй половины 1945 года в зоне построен ряд каменно-угольных шахт и крупных электростанций, ряд заводов, восстановлено также значительное количество предприятий лёгкой и пищевой промышленности.

Разумеется, нельзя сказать, что процесс восстановления и развития германской промышленности в советской зоне оккупации не встречал на своём пути трудностей. Трудности были, и они ещё есть, но они успешно преодолеваются. К числу таких трудностей в первую очередь относится то обстоятельство, что на протяжении значительного периода времени Восточная Германия не получает из западных зон Германии ни каменного угля, ни кокса, ни металла, ни проката. Тем не менее уже в марте 1949 года выпуск промышленной продукции в восточной зоне достиг 96,6 процента по сравнению с 1936 годом. Производство бурого угля уже в 1948 году превысило уровень 1936 года. Производство электроэнергии, добыча железной руды, производство стекла, трикотажа стоят выше уровня 1936 года.

Вышинский подчеркнул далее, что успехи в восстановлении народного хозяйства в Восточной Германии в значительной мере объясняются тем, что были установлены нормальные торговые и экономические связи со странами Восточной и Юго-Восточной Европы. Значительное содействие делу развития мирных отраслей промышленности в Восточной Германии оказывает Советский Союз. СССР предоставил восточной зоне Германии зерно, когда его там не хватало, жиры, минеральные удобрения. Из СССР завозятся тракторы, грузовые автомобили, сельскохозяйственные машины, металл, прокат и другие виды материалов и сырья.

— Важно отметить, — сказал Вышинский, — что восстановление экономики Восточной Германии осуществляется без какого-либо внеш-

него долга, который лежал бы тяжёлым бременем на восточной зоне Германии. Всё идёт исключительно за счёт изыскания внутренних ресурсов. Предоставление помощи Восточной Германии не сопровождается нарастанием дефицита, о котором мы здесь слышали от наших коллег — представителей западных держав, когда они говорили о положении дел в Тризонии. Бюджет восточной зоны в 1948 году был закончен положительным сальдо в 700 миллионов марок. В этом году положительное сальдо бюджета Восточной Германии, вероятно, превысит миллиард марок.

Вышинский подчеркнул, что в восточной зоне одновременно происходит снижение налогов, — они сократились более чем на 30 процентов, — в то же время наблюдается большой рост бюджетных ассигнований на развитие здравоохранения, просвещения и других областей культурного строительства. Расходы на бесплатное здравоохранение, например, увеличились с 232 миллионов марок в 1948 году до 290 миллионов марок в 1949 году.

— Как известно, — заключил Вышинский, — такое положение не всегда наблюдается в других более мощных странах мира, где населению приходится весьма серьёзно страдать, как об этом говорят вполне авторитетные лица, и от того, что сеть народного просвещения недостаточна, и от того, что население лишено бесплатной медицинской помощи.

* * *

Убедительные факты и цифры, приведённые Вышинским, вызвали несколько нервное реагирование у представителей западных держав. Видимо, пытаясь набросить тень на эти неопровержимые данные, Бевин вдруг заявил, что он «сможет представить приведённые Вышинским цифры тем немцам, которые находились в восточной зоне, но затем покинули её».

На это Вышинский заметил, что советские оккупационные власти имеют такую же возможность в отношении немцев, переходящих в восточную зону из английской зоны. «Но я не думаю, — сказал он, — что можно было бы считаться с мнением этих людей и пользоваться ими как источником информации».

«Известия» №123 (9963)
от 27 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (27 мая)

Я не могу согласиться с тем, сказал Вышинский, что вопрос о единстве Германии, о том, как будет организована Германия, как она будет дальше действовать и к чему это поведёт, не является вопросом между-

народного значения. Конечно, это международный вопрос, потому что все миролюбивые народы в высокой степени заинтересованы в том, чтобы в будущем не повторилась немецкая агрессия, чтобы демилитаризация Германии была завершена, чтобы Германия превратилась в миролюбивое демократическое государство, достойное войти в семью миролюбивых народов и выполнить свои обязательства перед пострадавшими от затаенной Гитлером войны. Все вопросы, связанные с германской проблемой,— международные вопросы.

Касаясь замечания Ачесона о том, будто бы сейчас не ясно, что именно будет контролировать Контрольный совет и какие функции будут принадлежать Контрольному совету, Вышинский сказал:

— Разве мы сейчас предлагаем учредить союзный контроль? Конечно, нет. Мы предлагаем не учредить, а восстановить этот орган, созданный для определённых целей, далеко ещё не исчерпанных. Контрольный совет действовал на основании положения, построенного в соответствии с принципами Потсдамского соглашения. Этот документ уже применялся на практике. О том, что должен контролировать Контрольный совет, мы договорились почти четыре года тому назад. Если вы хотите сказать, что задачи, поставленные тогда перед союзным контролем, уже исчерпаны, то опять-таки ваша обязанность состоит в том, чтобы сказать, какие же в таком случае новые задачи, по вашему мнению, должны быть поставлены перед Контрольным советом. Но вы этого не делаете. Да и не можете сделать, так как перед Контрольным советом стоят в основном те же задачи и на Контрольный совет должны быть возложены те же обязанности, какие предусмотрены соглашением о контрольном механизме и Потсдамским соглашением четырёх держав. Таким образом, поставленный г-ном Ачесоном вопрос давно уже решён: положение о союзном контроле существует, и, следовательно, нет необходимости биться над решением этой уже решённой задачи.

Если ставится вопрос о том, чтобы изменить какие-то функции Контрольного совета, то советская делегация не возражает против обсуждения этого вопроса, имея в виду возможность передать некоторые функции немецким органам. При этом, однако, основная роль Контрольного совета как носителя верховной власти в определённый период должна сохраниться.

Напомнив о том, что Шуман утверждал о необходимости сначала восстановить единство Германии, а затем воссоздать четырёхсторонний союзный контроль, Вышинский сказал:

— Мне хотелось бы привести наглядный пример: когда строится корабль, морской регистр контролирует шаг за шагом всё то, что делается в процессе строительства,— задолго до того, как корабль будет завершён и пустится в плавание. Если же рассуждать так, как говорит г-н Шуман, то нужно действовать иначе: сначала построить корабль, а потом учредить морской регистр для проверки того, как он строился. Я думаю, что это было бы неправильно.

Отметив, что все элементы для восстановления союзного контроля даны, что цели и задачи контроля ясны, Вышинский сказал:

— Следовательно, речь идёт только о принципе единогласия, который якобы служит препятствием к восстановлению четырёхстороннего контроля на потсдамской основе. Я вчера уже спрашивал, почему вы,

возражая против принципа единогласия в четырёхстороннем контроле, допускаете его в важнейших случаях в вашем проекте о трёхстороннем контроле?

Но это ещё не всё. Почему, когда организовался Совет безопасности, по инициативе правительства США был установлен принцип единогласия для решения всех непроцедурных вопросов? Почему принцип единогласия действовал в Лиге наций? Почему принцип единогласия действовал в десятках различных конвенций и международных соглашений? Принцип единогласия — обычное правило при разрешении международных вопросов. Конечно, есть и исключения. В Рио-де-Жанейро и в некоторых других случаях этот принцип не признавался.

Здесь говорят о Генеральной ассамблее, которая тоже решает все вопросы большинством голосов. Но забывают в этом случае об одном — о том, что Генеральная ассамблея вообще никаких решений не принимает. Все её «решения» — это только рекомендации...

Таким образом, метод единогласия — действительно обычный в международной практике метод. И если мы хотим встать на путь, который мог бы привести нас к установлению единства в Германии, мы не должны видеть никаких препятствий к применению принципа единогласия в органах четырёхстороннего контроля.

Вышинский подчеркнул, что было бы неправильно утверждать, что делегация СССР рассматривает Контрольный совет как главный фактор создания единой Германии. Контрольный совет является одним из главных факторов, поскольку вопросы организации союзного контроля тесно связаны и переплетаются с вопросами организации единой Германии.

Перейдя к советскому предложению о создании Общегерманского Государственного Совета, Вышинский сказал:

— Уже одно то обстоятельство, что советская делегация внесла одновременно два предложения — о восстановлении Контрольного совета и об учреждении Общегерманского Государственного Совета — показывает, что Контрольному совету отводится не исключительная роль, а одна из ролей в создании единой Германии. Делегация СССР предложила создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет в качестве экономического и административного центра Германии с правительственными функциями; в ведении Общегерманского Государственного Совета находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом.

Вышинский подчеркнул, что Общегерманский Государственный Совет будет немецким центральным органом, в котором будут представлены все зоны Германии. Немцы будут решать в нём те вопросы, которые касаются всей Германии в целом, в пределах компетенции совета. Это завязь, росток, который при дальнейшем развитии может вырасти в организм, способный обеспечить единство Германии, сказал Вышинский, он может создать то движение с обеих сторон, которое и приведёт к созданию единой Германии, а Союзный контрольный совет должен будет контролировать это движение, чтобы оно шло по демократическому пути, чтобы создавалось миролюбивое демократическое германское государ-

ство. Контуры будущей единой миролюбивой демократической Германии определены Потсдамским соглашением.

В заключение Вышинский сказал:

— Советские предложения, мы убеждены в этом, дают перспективу решения германского вопроса. Если подходить к делу практически, следовало бы выйти из сферы общих разговоров и конкретно обсудить эти предложения. Однако пока что от других делегаций нет никаких предложений. Нам говорили, что перед тем, как решать эти вопросы, следует знать, какой будет экономический баланс, каковы производительные силы восточной и западных зон Германии. Вчера я рассказал о фактическом положении дел в Восточной Германии. Г-н Ачесон подробно говорил о положении в западных зонах. Я думаю, что этого достаточно для того, чтобы при наличии доброй воли двинуться вперёд, а не топтаться на месте.

«Известия» №124 (9964)
от 28 мая 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (28 мая)

Отметив, что Бевин, Ачесон и Шуман подчёркивали необходимость предоставить немецкому народу возможность самому решать свои дела и не быть под опекой иностранных держав, Вышинский сказал:

— Возникает вопрос, почему именно теперь три делегации считают необходимым и своевременным дать возможность немцам самим участвовать в решении своих дел и почему эти делегации не считали такую задачу актуальной и своевременной, скажем, полтора года тому назад?

Вышинский напомнил, что ещё в декабре 1947 года в Лондоне в Совете министров иностранных дел делегация СССР исходила именно из этой позиции, стараясь привлечь на свою сторону г-на Маршалла, г-на Бевина и г-на Бидо. 5 декабря 1947 года, например, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов говорил, касаясь вопросов восстановления мирной экономики Германии:

«...Необходимо, чтобы германский народ получил возможность сам взяться за восстановление своей мирной экономики. Мы не только не должны мешать этому, но обязаны помочь экономическому восстановлению Германии и улучшению материального быта германского народа». И дальше: «Надо признать, что нельзя обеспечить экономического единства Германии без активного участия в этом деле самого германского народа».

На том же заседании Молотов, касаясь вопроса об учреждении центральных германских административных департаментов, говорил: «Нельзя откладывать создание этих германских департаментов, которые дадут

возможность немцам активно включиться в работу по экономическому восстановлению во всех зонах Германии».

Как известно, делегации США, Великобритании и Франции тогда не сочли возможным поддержать позицию делегации СССР. Теперь то, что предлагала советская делегация полтора года тому назад, здесь пробуют преподнести как самое последнее слово своей собственной политики.

— Таким образом, — заключил Вышинский, — должно быть совершенно ясно, что в этом отношении можно лишь констатировать допущенное на полтора года опоздание.

Следовательно, заявления, которые мы здесь сегодня слышали, являются не каким-либо откровением или новшеством, а запоздалым признанием допущенной ошибки. Ну, что же, как говорят, лучше поздно, чем никогда. Но плохо другое. Плохо то, что этот принцип сейчас обставляется рядом таких условий, при которых провозглашаемое на словах в значительной мере обесценивается на деле.

Далее Вышинский коснулся заявления Ачесона о том, что представленный проект согласован между тремя державами и что это «весьма важный факт».

— Здесь г-н Ачесон подчеркнул, что это «весьма важный факт», — сказал Вышинский. — Как видно, то обстоятельство, что три державы уже договорились между собой, рассматривается как сильная сторона дела. Между тем это, мне кажется, далеко не сильная сторона, а скорее наоборот — слабая сторона, поскольку три делегации договорились за спиной четвёртой делегации, тогда как вопрос этот не может быть решён иначе, как на четырёхсторонней основе.

Может создаться даже такое впечатление, что трое договорившихся между собой предлагают четвёртому считаться с их предложением, как с совершившимся фактом.

Касаясь существа англо-франко-американских предложений, Вышинский сказал, что они, конечно, требуют изучения. «Однако, — заметил он, — даже предварительное беглое ознакомление с этим документом показывает, что он составлен весьма односторонне. Это обстоятельство создаёт значительные трудности при рассмотрении документа, предназначенного служить основой четырёхстороннего соглашения.

Мне кажется, что недостатки, которые имеются в этом документе и о которых я более обстоятельно хотел бы высказаться позже, после более детального изучения этого документа, делают представленный проект мало подходящим или вовсе неподходящим для того, чтобы можно было на его основе прийти к общему согласию».

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(30 мая)

В субботу, 28 мая, три делегации — США, Великобритании и Франции представили свои предложения по вопросу о единстве Германии.

Как можно видеть из предложений США, Великобритании и Франции, в этих предложениях не ставится вопрос о выработке демократическим путём общегерманской конституции, а говорится о присоединении советской зоны к так называемой боннской конституции, которая, как известно, выработана в нарушение демократических принципов искусственно подобранной группой лиц, действовавшей в обстановке полной секретности. Известно, что германский народ был лишён возможности принять участие в обсуждении этой конституции. Вместе с тем эта так называемая конституция была выработана под открытым давлением оккупационных властей западных держав, которые по существу и продиктовали основные положения этой конституции.

Таким путём германскому народу навязывается федеративное устройство, против которого протестуют германские демократические круги, и это вполне понятно, так как план федерализации Германии является планом не объединения, а расчленения Германии.

Важно также отметить, что так называемая боннская конституция не содержит никаких положений, которые ограничивали бы господствующую роль германских монополий и юнкерства, являвшихся вдохновителями и организаторами германской агрессии и служащих опорой гитлеровского режима. Уже одно это доказывает, что эту конституцию отнюдь нельзя считать демократической.

Предложение США, Великобритании и Франции распространить так называемую боннскую конституцию на всю Германию представляет собой не что иное, как попытку навязать Восточной Германии порядки, установленные без участия населения Восточной Германии и без участия Советского Союза, несущего, в соответствии с Потсдамским соглашением, ответственность за эту зону. Это предложение США, Великобритании и Франции игнорирует также тот факт, что немецкий народ в советской зоне уже выразил своё отношение к вопросу о будущем устройстве Германии в проекте конституции, разработанном Народным советом и подвергнувшемуся всенародному обсуждению.

В пункте 3 проекта трёх держав содержится предложение ввести в действие во всей Германии так называемый оккупационный статут, выработанный в Вашингтоне. Это предложение означает на деле отказ от заключения мирного договора с Германией и продление на неопределённый срок оккупационного режима. Известно, что пункт 1 оккупационного статута ограничивается тем, что в нём говорится лишь о «периоде времени, в течение которого необходимо продолжение оккупации».

Попытка трёх держав представить дело так, будто бы этот оккупационный статут имеет целью «позволить германскому народу осуществлять демократическое самоуправление», как это сказано в коммюнике министров иностранных дел США, Великобритании и Франции о вашингтонских переговорах, находится в полном противоречии с содержанием этого статута.

Как известно, согласно статуту (статьи 2 и 3), важнейшие функции государственного управления составляют монополию оккупационных властей, а германский народ отстранён от какого-либо участия в осуществлении этих важнейших функций. Введение такого оккупационного статута находится в противоречии с интересами германского народа, добывающегося, как известно, скорейшего заключения мирного договора и прекращения режима оккупации. Оно также противоречит задачам мирного урегулирования в Европе.

Что касается предложений трёх держав, относящихся к вопросу о репарациях и о германских предприятиях, приобретённых, как говорится в тексте указанного предложения, «какой-либо иностранной державой или от её имени», то это предложение не касается обсуждаемого Советом министров иностранных дел вопроса о единстве Германии. Нельзя при этом не отметить, что, настаивая на возвращении указанных предприятий, три державы в то же время умалчивают о широком проникновении американского и английского монополистического капитала при помощи оккупационных властей в экономику Западной Германии и, в первую очередь, в промышленность Рура.

В предложении трёх держав делается попытка обусловить объединение Германии «принципами», перечисленными в пункте 2 предложений этих держав. Советская делегация считает необходимым указать, что такая попытка является беспочвенной, поскольку в советской зоне уже обеспечено осуществление демократических свобод для всего населения, за исключением фашистских элементов. Что же касается положения, существующего в западных зонах, то так называемые «свободы» означают там на практике преследование демократических партий и организаций и свободу деятельности для крупных монополий и кругов, поддерживавших в своё время гитлеровскую агрессию.

Предложение Соединённых Штатов Америки, Великобритании и Франции о переходе в четырёхстороннем контрольном органе (так наз. верховной комиссии) от установленного существующими соглашениями принципа единогласия к решению вопроса по большинству голосов имеет в виду не политику сотрудничества между всеми оккупирующими Германию державами, а политику диктата. Такая политика в отношении Советского Союза не может иметь успеха.

Каковы же наши общие выводы относительно предложения, внесённого 28 мая делегациями Соединённых Штатов, Великобритании и Франции на рассмотрение Совета министров иностранных дел по вопросу о единстве Германии? Наши общие выводы заключаются в том, что это предложение не свидетельствует о желании этих держав достичь с Советским Союзом соглашения по такому важному вопросу, как вопрос о единстве Германии. В то же время эти предложения противоречат законным интересам германского народа и его стремлению к скорейшему заключению мирного договора и прекращению оккупационного режима.

Советская делегация считает необходимым эти предложения трёх держав, находящиеся в противоречии с решениями Ялтинской и Потсдамской конференций, отклонить.

Советская делегация в целях обеспечения экономического и политического единства Германии внесла в самом начале этой сессии на рассмотрение Совета министров иностранных дел свои предложения, принятие которых, по её глубокому убеждению, могло бы обеспечить решение стоящих перед Советом министров иностранных дел задач.

Советская делегация предложила восстановить деятельность Союзного контрольного совета в Германии на прежней основе, в соответствии с решениями, принятыми на Потсдамской конференции СССР, США и Великобритании, к которым впоследствии присоединилась Франция. При этом имеется в виду важное значение этого органа, призванного осуществлять в период оккупации верховную власть в Германии.

Вместе с тем советская делегация считает, что экономическое и политическое единство Германии невозможно осуществить без создания единого германского центрального органа, в ведении которого находились бы вопросы государственного и экономического строительства, имеющие значение для всей Германии в целом.

Советская делегация предложила создать на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет, в качестве экономического и административного центра Германии, с правительственными функциями в указанных выше областях экономического и государственного строительства, при сохранении верховной власти Контрольного совета.

Советская делегация также предложила восстановить в Берлине четырёхстороннюю берлинскую комендатуру и общеберлинский магистрат с тем, чтобы вопрос о сроке выборов в магистрат был передан на рассмотрение межсоюзнической комендатуры Берлина.

Все эти мероприятия могли бы облегчить разрешение задачи восстановления единства Германии в экономическом и политическом отношении. Эта позиция Советского Союза находится в полном соответствии с принципами Потсдамского соглашения, она в полной мере отвечает задаче восстановления единства Германии, интересам германского народа, добивающегося скорейшего заключения мирного договора и прекращения режима оккупации, она также полностью отвечает и задачам мирного урегулирования в Европе.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(31 мая)**

В начале своего выступления Вышинский остановился на предложении западных держав о введении в действие во всей Германии так называемого оккупационного статута, выработанного в Вашингтоне.

— Я уже указывал в своём предыдущем заявлении, — сказал Вышинский, — что это предложение неприемлемо, поскольку оно означает на деле отказ от заключения мирного договора с Германией и продление на неопределённый срок оккупационного режима. В пункте первом оккупационного статута говорится лишь о «периоде времени, в течение которого необходимо продолжение оккупации». Авторы статута не уточняют, какой же это будет период, сколько времени он будет продолжаться. Это обстоятельство даёт право говорить, что три державы не считают необходимым поднимать вопрос о каком-либо ограничении сроков оккупации Германии.

В связи с этим Вышинский обратил внимание на заявления ответственных военных деятелей США, Англии и Франции о сроках оккупации Германии. Он напомнил, что фельдмаршал Монтгомери ещё в апреле 1946 года высказался в том смысле, что оккупация Германии будет продолжаться по меньшей мере десять лет. Генерал Эйзенхауэр в сентябре 1946 года, выступая перед американскими солдатами в Берлине, подчеркнул, что оккупация Германии будет долгим делом. Главнокомандующий американскими оккупационными войсками в Германии Макнерни в феврале 1947 года заявил, что оккупация должна продлиться 15 лет, добавив при этом, что для некоторых держав, например для Франции, такой срок, по его мнению, может показаться слишком коротким. Сменивший Макнерни американский генерал Клей счёл нужным подтвердить в своём выступлении на собрании англо-американского общества журналистов в Париже в 1947 году, что оккупация продлится 10 лет, а может быть, и 25 лет. Ещё более длительные сроки оккупации Германии отстаивали некоторые представители французских кругов. Так, главнокомандующий французскими оккупационными войсками в Германии генерал Кениг сказал, что он считал бы необходимым оккупировать Германию и управлять ею в течение 50 или 60 лет.

— Таково мнение авторитетных представителей военных властей США, Франции и Англии, — продолжал Вышинский. — Все они указывали на длительные сроки оккупации. Очевидно, авторы оккупационного статута не ставили своей задачей опровергнуть подобные суждения, а быть может, даже требования авторитетных властей своих военных ведомств. Я считаю необходимым напомнить об этом тем более, что вчера г-н Бевин сказал, что оккупационный статут был подготовлен военными людьми и что сам он, как я его понял, не имел к этому делу никакого отношения. Я хочу сопоставить такие факты: с одной стороны, военные утверждают, что срок оккупации должен быть длительным — 10—25 и даже 50—60 лет, если следовать мнению генерала Кенига; с другой сто-

роны, в оккупационном статуте нет ни слова о том, на какой срок рассчитано его действие. Теперь, когда мы узнали из заявления г-на Бевина, что оккупационный статут является плодом творчества военных людей, то становится ясно, что срок оккупации в статуте не указан по той причине, что этот статут имеет целью оставить Германию в состоянии оккупации на очень долгий срок. Но как это вяжется с утверждениями представителей западных держав о том, что они стремятся передать самим немцам наибольшее количество функций управления Германией?

Попав в затруднительное положение, Бевин попытался снизить впечатление от заявления Вышинского репликой: «Я ничего подобного не говорил, и меня цитируют неправильно». Тогда Вышинский огласил то место из текста стенограммы речи Бевина, в котором сказано: «Я лично не являюсь автором этого статута. Насколько мне известно, он был выработан военными губернаторами...» Бевин на это не реагировал.

— Я не могу допустить, — заметил Вышинский, — чтобы стенографистки придумали то, что здесь записано. Но даже если отвлечься от вопроса о том, кто был автором оккупационного статута, то в конечном счёте правительства, апробировавшие этот статут, оставляющий Германию на неопределённый срок в положении оккупированной страны, несут за него полную ответственность.

Далее Вышинский коснулся сделанного вчера Бевиним заявления о том, что оккупационный статут якобы даёт немцам определённые права и что «те права, которыми будут пользоваться союзники, не означают, что германскому правительству будет отказано в получении всё большей и большей свободы». Вышинский напомнил также о заявлении Бевина, что дело идёт «не о том, какие слова будут записываться, а о том, как они будут исполняться на деле».

— Слова всё же имеют своё значение, — сказал Вышинский. — И если обратиться к статьям 2, 3 и 4 оккупационного статута, то из них очень определённо следует, что важнейшие функции государственного управления остаются монополией оккупационных властей. Германский народ согласно этому статуту оттесняется от всякого участия в осуществлении этих важнейших функций. Таким образом, оккупационный статут противоречит интересам германского народа, желающего, чтобы мирный договор был выработан быстрее и чтобы состояние оккупации прекратилось. С другой стороны, оккупационный статут противоречит интересам мирного урегулирования в Европе в целом. Таким образом, этот статут не выдерживает никакой критики с точки зрения демократических принципов и даже с точки зрения того, что было провозглашено в сообщении трёх держав, где говорилось, что оккупационный статут имеет целью позволить германскому народу осуществлять демократическое самоуправление.

Вышинский напомнил далее, что Бевин, пытаясь оправдать навязывание Германии оккупационного статута, задал вопрос: «Чем же его заменить?». По-моему, — сказал Вышинский, — это неправильная постановка вопроса. Оккупационный статут не был введён и, следовательно, не был нужен в течение четырёх лет, прошедших после безоговорочной капитуляции Германии. В течение этого времени делегация СССР неоднократно подталкивала другие делегации в Совете министров иностранных дел к тому, чтобы приступить, наконец, к подготовке мирного договора с

Германией. Вчера г-н Ачесон заявил, что о мирном договоре не следует говорить при обсуждении первого пункта повестки дня, сославшись на то, что этот вопрос отнесён к третьему пункту повестки дня. Однако я вынужден коснуться и этого вопроса. Когда спрашивают — чем заменить оккупационный статут, я отвечаю вопросом: — Почему вы считаете, что оккупационным статутом можно заменить мирный договор?

Дело не в том, чем заменить оккупационный статут, а в том, чтобы оккупационным статутом не подменять мирного договора.

Разве не очевидно, что оккупационный статут предназначен для того, чтобы ещё дальше отложить подготовку и заключение мирного договора и продлить режим оккупации на неопределённое время?

Вышинский указал, что ещё в 1947 году советская делегация предлагала немедленно приступить к подготовке проекта мирного договора с Германией. Если бы тогда это предложение было принято, то сейчас не было бы нужды в оккупационном статуте, потому что за это время мирный договор был бы подготовлен и заключён. В таком оккупационном статуте сейчас, четыре года спустя после победы над Германией, нет никакой необходимости; оккупационный режим на протяжении этих четырёх лет действовал без этого статута, и действовал неплохо, пока существовал Контрольный совет, несмотря на все недостатки его работы.

— Теперь, спустя четыре года, — продолжал Вышинский, — вместо того, чтобы принять все меры к подготовке мирного договора, нам предлагают какой-то оккупационный статут. Этот статут нельзя рассматривать иначе, как средство оттяжки заключения мирного договора. Но оккупационный статут преследует, очевидно, и другие цели.

Вышинский отметил, что оккупационный статут рассчитан на закрепление раскола Германии, являющегося следствием деятельности США, Великобритании и Франции, наблюдавшейся уже с 1946 года и особенно в течение последних 18 месяцев в Западной Германии.

— Оккупационный статут, — сказал Вышинский, — предназначен для того, чтобы закрепить раскол Германии, и поэтому его нельзя охарактеризовать иначе, как выражение той раскольнической политики, которая ведёт к закреплению расчленения Германии. Эта политика решительно противоречит принципам Потсдама. Однако нарушение принципов Потсдамского соглашения с известного времени западные державы считают не пороком, а добродетелью...

Коснувшись заявления Шумана о том, будто бы всё то, что западные державы осуществили в своих оккупационных зонах за последние 18 месяцев, не только не было направлено против Потсдама, а являлось «логическим развитием того, что было предусмотрено в Потсдамском соглашении на время оккупации до подписания мирного договора», — Вышинский сказал:

Это утверждение опровергнуть нетрудно, потому что оно искажает действительность. В действительности всё то, что было сделано в западных зонах Германии за последние 18 месяцев, не только не соответствует Потсдамскому соглашению, но является прямым нарушением этого соглашения. Известно, что Потсдамское соглашение ставило задачу преобразования Германии в единое демократическое миролюбивое государство. То же, что было сделано тремя державами за эти 18 месяцев, является прямым нарушением Потсдамского соглашения, прямым отрицанием его

принципов, которые должны были определить основу внешней политики четырёх держав по отношению к побеждённой Германии.

Далее Вышинский привёл факты, характеризующие раскольническую деятельность западных держав в Германии.

2 декабря 1946 года правительства США и Англии подписали соглашение об объединении двух зон. Это соглашение послужило началом углубления раскола в Контрольном совете и того разъединения, которое с течением времени увеличивалось всё больше. Можно ли допустить, что это соглашение, как говорил г-н Шуман, явилось логическим развитием потсдамских принципов, предусматривавших единство Германии? На этот вопрос можно дать только отрицательный ответ. Потсдамское соглашение предусматривало восстановление единства Германии, при осуществлении в период оккупации верховной власти в Германии четырёхсторонним Контрольным советом. Утверждать, что соглашение США и Англии о создании Бизонии является логическим развитием принципов Потсдамского соглашения, можно лишь насилуя факты и логику.

12 февраля 1947 года американский и английский командующие, отказавшись от четырёхстороннего проведения декартелизации Германии, ввели в действие в одностороннем порядке закон № 56 о декартелизации. Это было сделано невзирая на то, что Потсдамским соглашением задача декартелизации была возложена на Контрольный совет. Таким образом, Потсдамское соглашение было и на этот раз нарушено.

19 апреля 1947 года было заключено сепаратное англо-франко-американское соглашение об экспорте и распределении рурского угля — новое нарушение Потсдамского соглашения.

29 мая 1947 года США и Англия создали в Бизонии экономический совет, исполнительный комитет и ряд других двухзональных органов с широкими полномочиями государственного характера, — мероприятия, грубо нарушавшие соглашение четырёх держав. 10 сентября 1947 года было подписано сепаратное англо-американское соглашение о Руре.

Происходившее в феврале — марте 1948 года, а затем и позже в Лондоне трёхстороннее англо-франко-американское совещание по германскому вопросу приняло целый ряд решений, опрокидывающих Потсдамское соглашение.

20 марта 1948 года главнокомандующий советской оккупационной зоны в Контрольном совете просил трёх других главнокомандующих информировать Контрольный совет о решениях, принятых в Лондоне. Когда в этой информации было отказано, заседание было закрыто.

— Г-н Шуман пытался представить дело таким образом, что это обстоятельство решило судьбу Контрольного совета, — сказал Вышинский, — что решения, закрепившие раскол Германии, якобы были результатом вынужденных обстоятельств. Он говорит, что не было никакой другой основы, кроме трёхсторонней, и что поэтому нельзя винить западные державы в том, что ими был принят ряд решений, закреплявших раскол Германии. Но почему же перестала существовать четырёхсторонняя основа? Не потому ли, что 2 декабря 1946 года, 12 февраля 1947 года, 19 апреля 1947 года, 29 мая 1947 года, 10 сентября 1947 года, в феврале, марте и июне 1948 года три державы очень удобно расположились на трёхсторонней основе, совершенно игнорируя четвёртого партнёра, а

вместе с тем игнорируя и обязательства, взятые ими на себя по Потсдамскому соглашению? Факты говорят о том, что последовательность событий была иной, нежели это представляют здесь три западных министра: сначала были осуществлены трёхсторонние раскольнические действия, которые и привели к уничтожению четырёхсторонней основы. Отсюда и все последствия — Вашингтонское соглашение с его оккупационным статутом, закрепляющим трёхсторонний контроль, так называемая «боннская конституция» и т. д., и т. п. Таковы факты, — сказал Вышинский, — и эти факты, мне кажется, могут служить прекрасным примером того, что означает французская поговорка, которую приводил здесь Ачесон; по-русски она переводится так — «ставить телегу впереди быков». Эту поговорку приводят тогда, когда факты представляют не в их естественной последовательности, а так, как этого хочется. Подобным образом действуют тогда, когда хотят доказать, что чёрное — не чёрное, а белое. Это, между прочим, никогда никому не удавалось.

Далее Вышинский коснулся предложения западных держав о том, чтобы решения в четырёхстороннем контрольном органе — «верховой комиссии» — принимались не на основе принципа единогласия, а по большинству голосов. Он напомнил, что положение о контрольном механизме в Германии прямо требует, чтобы решения Контрольного совета принимались единогласно. Вся деятельность Контрольного совета, как и Совета министров иностранных дел, строилась на основе этого принципа.

— Предложения трёх держав, — продолжал Вышинский, — отрицают этот принцип. Отказ от принципа единогласия является нарушением ранее состоявшихся четырёхсторонних соглашений и прямым отказом от сотрудничества в международных делах. Такое предложение означает попытку стать на путь диктата. И нетрудно, конечно, представить себе, какая картина получилась бы в четырёхстороннем контрольном органе, в основу деятельности которого не был бы положен принцип единогласия, особенно теперь, когда три державы договорились между собою на той основе, которая, как это было здесь показано, противоречит принципам Потсдамского соглашения.

Я уже говорил, что отказ от принципа единогласия в пользу «голосования по большинству» означает попытку ввести такой метод, который давал бы возможность навязывать решения трёх четвёртому. По отношению к Советскому Союзу такой метод не может иметь никакого успеха. Нам говорят, что это не диктат. Но что же это такое, если трое решают против четвёртого и четвёртый должен подчиняться этим трём? Этот принцип не годится при решении международных дел, потому что за этим круглым столом, как и за круглым столом в Контрольном совете, сидят представители равноправных суверенных государств и принимать решения против воли одного из участников этого решения значит пытаться осуществлять метод диктата.

Вышинский подчеркнул, что противники принципа единогласия, стремясь обеспечить себе решающее слово при любых обстоятельствах, не довольствуются даже методом голосования по большинству. Он напомнил, что пятый пункт Вашингтонского соглашения о трёхстороннем контроле предусматривает, что в некоторых случаях голосование в трёхстороннем контрольном органе должно осуществляться... пропорционально денежным средствам, предоставляемым иностранными держа-

вами правительству Германии. Больше того, в этом пункте оговорено, что в известных случаях решающий голос будет сохраняться за Соединёнными Штатами Америки при всех условиях.

— Я уже обращал внимание на этот пункт, — сказал Вышинский. — Но я что-то не слышал каких-либо замечаний по поводу нашей критики этого пункта, поражающего своей антидемократичностью. Этот вид голосования — не просто диктат, а какая-то финансовая диктатура. Это не большинство, не единогласие, а одногласие. Это такой порядок, когда один из членов контрольного органа получает право решать за всех. Такое голосование было бы справедливо назвать «долларовым голосованием», поскольку речь идёт о решающей роли США в случае предоставления ими Германии долларовой «помощи». Всё ставится в зависимость от того, сколько денег дали займы на так называемую помощь Германии Соединённые Штаты. Это довольно дорогая цена за так называемую «помощь», если говорить с точки зрения принципов демократии.

В заключение Вышинский подчеркнул, что предложения западных держав неприемлемы с точки зрения Потсдамского соглашения, с точки зрения принципов демократии, с точки зрения интересов германского народа и интересов мирного урегулирования в Германии и в Европе в целом.

— Поэтому, — сказал Вышинский, — советская делегация не может принять эти предложения; она не может согласиться ни с этими предложениями в целом, ни с их отдельными пунктами. Повторяю, — дело идёт не о деталях, а об основном. Поэтому мы отклоняем эти предложения. В то же время мы вынуждены навязать волю трёх четвертому, стремлением закрепить раскол Германии, отказавшись от какого бы то ни было реального осуществления задачи восстановления единства Германии. Эти предложения нельзя не рассматривать как завершение той раскольнической деятельности западных держав в Германии, о которой советское правительство не раз говорило в официальном порядке и о которой советская делегация должна была напомнить сегодня. Предложения, представленные тремя западными державами, являются логическим завершением систематических нарушений принципов Потсдамского соглашения со стороны правительств США, Великобритании и Франции.

«Известия» № 127 (9967)
от 1 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ - (1 июня)

Для характеристики федерального устройства недостаточно наличия местных органов законодательной и исполнительной власти. Более всего важен объём этой власти и особенно объём той власти, которая предоставляется центральному правительству. Сторонники федерализации Германии, как на это мы уже обращали внимание в предыдущих

выступлениях, придерживаются положения, что все полномочия должны быть переданы землям, а центральному правительству должна принадлежать лишь ограниченная сфера государственного управления. Этот принцип нашёл своё выражение и в так называемой «боннской конституции», которая, вследствие своей недемократичности, не может служить основой для восстановления единства Германии, умаляет значение центральной власти, предоставляет правительствам земель большие полномочия за счёт ослабления центрального правительства.

В этом суть. Вот почему советская делегация не может согласиться с точкой зрения г-на Шумана по этому вопросу.

Второе моё замечание будет относиться к вопросу, поставленному г-ном Бевинем.

В своём предыдущем заявлении г-н Бевин поставил перед советской делегацией вопрос: «Придерживается ли советское правительство старой позиции относительно образования общегерманского правительства». В связи с этим я должен заявить, что советское правительство никогда не отказывалось и не отказывается от своих предложений по этому вопросу, которые вносились на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел, где, как известно, эти предложения были отвергнуты западными державами. Я должен напомнить, что ещё на Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте 1947 года советское правительство предлагало создать временное германское правительство. Это предложение советского правительства не было принято правительствами США, Великобритании и Франции. На следующей сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне, в ноябре 1947 года, советское правительство вновь внесло предложение об образовании общегерманского демократического правительства. В этом предложении, которое можно найти в документе сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне за № 47 (л) 9 от 27 ноября 1947 года, говорилось: «Признать безотлагательным образование общегерманского демократического правительства в соответствии с решениями Потсдамской конференции».

Одновременно министр иностранных дел СССР указал тогда же на то, что вопрос об образовании общегерманского демократического правительства нельзя дальше откладывать. «Такое откладывание, — говорил министр иностранных дел СССР В. М. Молотов 26 ноября 1947 года, — наносит ущерб не только германскому народу, но и другим народам Европы, заинтересованным в скорейшем установлении прочного мира во всей Европе».

Однако, как известно, это предложение западными державами было вновь отвергнуто.

Тот факт, что советское правительство на настоящей сессии Совета министров иностранных дел внесло предложение об образовании Общегерманского Государственного Совета в качестве органа, предшествующего образованию общегерманского правительства на основе проведения всеобщих демократических выборов, объясняется тем, что советское правительство желает облегчить возможность достижения общего соглашения.

Таким образом, позиция советского правительства по вопросу об образовании общегерманского демократического правительства, чем интересовался г-н Бевин, остаётся неизменной. Если три державы —

Соединённые Штаты Америки, Великобритания и Франция — согласны принять за основу для обсуждения предложения по данному вопросу, которые были внесены советской делегацией на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел, то советская делегация, разумеется, готова обсудить вопрос о мероприятиях по созданию общегерманского демократического правительства на этой основе.

Советская делегация вновь обращает внимание на то, что предложения трёх держав по вопросу об образовании общегерманского правительства не могут послужить основой для достижения соглашения, поскольку эти предложения предусматривают образование общегерманского правительства на базе так называемой «боннской конституции».

Я не вижу необходимости повторять соображения, которые были уже высказаны советской делегацией по поводу недемократичности так называемой «боннской конституции», при помощи которой пытаются навязать германскому народу федеративное устройство, вызывающее протесты со стороны широких германских демократических кругов. Мы указывали уже на то, что германский народ был лишён возможности принять участие в обсуждении этой конституции, где отсутствуют положения, которые ограничивали бы господствующую роль германских монополий и юнкерства, являвшихся вдохновителями и организаторами германской агрессии и служивших опорой гитлеровского режима. К недостаткам так называемой «боннской конституции» необходимо также отнести и то, что эта конституция была выработана с нарушением демократических принципов искусственно подобранной небольшой группой лиц.

Уже сказанное показывает, что так называемую «боннскую конституцию» отнюдь нельзя считать демократической и что в силу этого она не может служить базой для образования общегерманского демократического правительства. Повторяю, если Соединённые Штаты Америки, Великобритания и Франция согласны принять за основу обсуждения предложения, внесённые советским правительством на Московской, а затем и на Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел, советская делегация готова обсудить мероприятия по созданию общегерманского демократического правительства на этой основе.

ОБСУЖДЕНИЕ БЕРЛИНСКОГО ВОПРОСА ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В начале своего выступления Вышинский подтвердил правильность толкования советского предложения о восстановлении Межсоюзной комендатуры, данного Ачесоном. «Г-н Ачесон сказал, что мы предлагаем восстановить Межсоюзную комендатуру на прежней основе. Это правильно. Ачесон предложил обсудить здесь основные вопросы, связанные с этой проблемой. Такое предложение, конечно, совершенно резонно, — не приди к взаимопониманию в основных вопросах, трудно и едва ли целесообразно углубляться в детали».

Коснувшись заявления Ачесона о том, что представители США находятся в Берлине и оккупируют свой сектор по праву, на основании международных соглашений, Вышинский сказал:

— Это очень важное утверждение. Если США действительно находятся в Берлине по праву, вытекающему из международных соглашений, то отсюда вытекает обязательство для правительства США соблюдать эти соглашения, а не представлять дело таким образом, будто бы этих соглашений не существует. Если бы эти соглашения были зачёркнуты, то была бы потеряна та правовая почва, о которой говорил Ачесон. Если нет международных соглашений, то как может существовать право, вытекающее из этих соглашений и определяющееся ими? Я не собираюсь оспаривать того, что американские, английские и французские оккупационные власти находятся в соответствующих секторах Берлина в силу международного соглашения. Но о чём идёт речь в этом соглашении о четырёхстороннем управлении Берлином? Оккупационные власти США, Англии и Франции находятся в Берлине не для того, чтобы там просто пребывать. Они находятся там для того, чтобы выполнять определённые функции по управлению Берлином, причём международное соглашение предусматривает четырёхстороннюю основу этого управления.

Вышинский напомнил, что делегация СССР предлагает не учреждать заново Межсоюзную комендатуру в Берлине на каких-то новых принципах, а восстановить эту комендатуру с тем, чтобы она действовала в соответствии с международным соглашением, являющимся источником права в этой области.

— Мне совершенно непонятно, — продолжал Вышинский, — как можно сочетать утверждение о том, что участие западных держав в управлении Берлином опирается на международное соглашение и на четырёхстороннюю основу, с отрицанием того метода решения вопросов, который единственно возможен при четырёхсторонней основе, — метода единогласия. Этот метод применялся до того, как Межсоюзная комендатура распалась, а нам известны причины, по которым она распалась. Теперь же нам говорят, что согласны восстановить комендатуру, но на какой-то новой, другой основе. Нам предлагают произвести реорганизацию основы, на которой была построена Межсоюзная комендатура, но эта реорганизация не вытекает из ранее заключённых и остающихся в силе соглашений.

Вышинский подчеркнул, что соглашение, заключённое четырьмя державами относительно четырёхстороннего управления Берлином, признало неизбежным и необходимым сотрудничество этих держав. Только на основе такого четырёхстороннего сотрудничества можно избежать беспорядка и хаоса в управлении городом, разделённым на четыре оккупационных сектора.

— Конечно, вопрос о функциях Межсоюзной комендатуры важен, — сказал Вышинский. — Но во всяком случае метод решения вопросов в пределах этих функций должен быть сохранён прежний — это метод единогласия.

Вышинский подкрепил свои соображения справкой юридического характера. Он напомнил, что в соглашении о контрольном механизме в Германии, утверждённом Европейской консультативной комиссией 1 мая 1945 года, сказано, что Межсоюзная комендатура создаётся для совместного управления районом Большого Берлина.

— Я подчёркиваю эти слова — «для совместного управления», — сказал Вышинский.

Далее Вышинский напомнил, что 18 января 1946 года четыре коменданта — представители СССР, США, Великобритании и Франции — утвердили устав Межсоюзной комендатуры города Берлина. Третий пункт этого устава гласит: «Только единогласные решения, принятые представителями всех четырёх держав, имеют силу. Вопросы, по которым не достигнуто соглашения, будут представляться высшим властям на их разрешение. Ни один документ, содержащий различные точки зрения и требующий разрешения, не будет представлен в Контрольный совет без предварительного рассмотрения его на заседании комендантов».

Ещё раньше, в первых числах июля 1945 года, на конференции представителей союзного командования по вопросу о совместном управлении Берлином было принято решение о том, что главные военные коменданты в Берлине должны осуществлять управление всеми зонами при помощи совещаний союзных военных комендантов, на которых должны решаться принципиальные вопросы и вопросы, касающиеся всех зон. При этом было указано, что решения на этих совещаниях должны приниматься единогласно.

27 ноября 1945 года в документе Координационного комитета №45/204 было сказано, что вопросы, которые будут рассмотрены Межсоюзной комендатурой и по которым не будет достигнуто единодушное решение, должны передаваться по просьбе несогласившейся стороны Координационному комитету. Совершенно ясно, что такая мера предусматривалась в целях достижения единогласия четырёх сторон.

— Иначе и не могло быть, — заметил Вышинский, — потому что нельзя осуществлять управление городом, в котором имеются четыре власти, без согласия между этими властями. Нельзя допускать такое положение, когда три власти делали бы одно, а четвёртая — другое, как нельзя, конечно, подчинять волю одной оккупационной власти решениям трёх других только потому, что три арифметически больше одного. Поэтому принцип единогласия, положенный в основу деятельности Межсоюзной комендатуры, является единственно правильным. Вот почему мы предлагаем восстановить четырёхстороннюю комендатуру на прежней основе, как правильно понял наше предложение г-н Ачесон. Мы предлагаем восстановить её на основе принципа единогласия, т. е. того принципа, который служил основой всего соглашения, обеспечившего каждой из оккупационных держав право участвовать в совместном управлении.

Совместное управление, конечно, требует и взаимного согласования всех вопросов. Ставить вопрос о том, чтобы внести какие-либо поправки в этот принцип, — значит вести дело к ликвидации этого принципа. Попытаться решать вопросы так, как захочет большинство, — значит пытаться навязать волю трёх одному. Это мешает делу и противоречит тем основным положениям и принципам, которые вытекают из международных соглашений. Но нельзя использовать международное соглашение таким образом, когда интересная и выгодная для одной из сторон часть признаётся, а невыгодная часть отбрасывается. Соглашение есть соглашение. Это международный акт, и его нужно брать в целом, а не рвать на куски.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

(2 июня)

— В связи со вчерашним выступлением г-на Ачесона мне хотелось бы сделать несколько замечаний по существу затронутых им вопросов, — сказал Вышинский. — Г-н Ачесон старался показать, что понятие *совместное управление*, о котором говорится в статье 7 соглашения о контрольном механизме, утверждённого Европейской консультативной комиссией, вовсе не предполагает *принципа единогласия* при решении вопросов. Г-н Ачесон сказал при этом, что соглашение, о котором вчера шла речь, не было подписано ни главами государств, ни министрами. Если г-н Ачесон имел в виду соглашение о контрольном механизме в Германии, где говорится о совместном управлении районом Большого Берлина Союзной комендатурой, то я должен напомнить, что это соглашение было подписано представителем правительства США Филиппом Мозли, представителем Великобритании Уильямом Стрэнг и представителем СССР — послом СССР в Великобритании Ф. Т. Гусевым. Дополнительный протокол о присоединении к соглашению Франции и внесении соответствующих в связи с этим изменений в первоначальное соглашение был подписан также французским представителем Массигли. Если же г-н Ачесон относил своё замечание к другим международным соглашениям, а именно к уставу Союзной комендатуры и решениям главнокомандующих о совместном управлении Берлином, то эти решения подписаны высшими представителями командования — генерал-лейтенантом Клеем (США), генерал-лейтенантом Уиксом (Великобритания), а устав подписан комендантами, которые действовали, естественно, по соответствующим полномочиям своих правительств. Поэтому и в данном случае ссылка на то, что эти соглашения не были подписаны главами правительств или министрами, не меняет дела и ни в какой мере не умаляет значения этих документов как актов международного характера.

Я думаю, — продолжал Вышинский, — что попытка г-на Ачесона доказать, что понятие совместного управления не может означать понятия *единогласия*, лишена основания. Я указывал, что в статье 7 соглашения о контрольном механизме говорится о совместном управлении, но я указывал также и на то, что это понятие было расшифровано в последующих документах именно как управление на основе *единогласия*.

Об этом, в частности, прямо говорится в уставе комендатуры, который имеет силу международного соглашения. Больше того, 17 декабря 1945 года за подписью главного начальника штаба Союзной комендатуры был препровождён Контрольному совету документ, в котором говорится, что Союзная комендатура будет выносить свои решения *единогласно*, причём делается ссылка именно на статью 7 соглашения о контрольном механизме в Германии.

Этот документ представляет собой решение конференции представителей союзного командования по вопросу совместного управления Берлином от 7 июля 1945 года, подписанное генерал-лейтенантом Клеем от

США и генерал-лейтенантом Уиксом от Великобритании совместно с главнокомандующим советской зоны оккупации. В нём после ссылки на статью 7 соглашения о контрольном механизме в Германии сказано:

«В целях осуществления совместного управления Берлином должна быть создана Союзная военная комендатура во главе с главным комендантом, обязанности которого должны поочерёдно выполняться каждым военным комендантом Союзной комендатуры Берлина в течение 15 дней. Главный военный комендант должен осуществлять управление всеми зонами Берлина, прибегая при этом к помощи совещаний союзных военных комендантов для решения принципиальных вопросов и вопросов, касающихся всех зон. Решение на этих совещаниях должны приниматься единогласно».

Таким образом, в представлении главнокомандующих совместное управление означало именно управление на основе принципа единогласия.

Г-н Ачесон вчера говорил, что управлять городом на основе единогласия невозможно. Но этому заявлению противоречат факты. Мы имеем австрийский пример, где Союзная комендатура в Вене действует на основе решений, принимаемых единогласно. Об этом ясно говорят статьи 12 и 13 соглашения о контрольном механизме в Австрии. В статье 12 этого соглашения сказано: «Решения Союзнического совета, исполнительного комитета и других подчинённых органов Союзнической комиссии должны быть единогласными». В статье 13 говорится, что «существующее в Вене межсоюзническое командование, известное ранее как комендатура, будет продолжать действовать в качестве органа Союзнической комиссии...». Таким образом, межсоюзнический контроль в Вене должен действовать на основании решений, принимаемых также единогласно. Этот пример показывает, что можно управлять городом на основе принципа единогласия, что Союзная комендатура может действовать на основе этого принципа и что вывод, к которому пришёл г-н Ачесон, является необоснованным.

Отвергая принцип единогласия, г-н Ачесон заявил, что этот принцип якобы представляет собою диктаторский способ решать дела, поскольку-де любой из решающих может по любому вопросу в любой момент заставить трёх других принять не те решения, с которыми они согласны, а какое-то другое решение. Такое рассуждение также нельзя признать правильным. В самом деле, принцип единогласия означает, что никакое решение не может быть принято, если кто-либо из участников с ним не согласен. Следовательно, не может быть и речи о навязывании решения против воли несогласающей стороны. Наоборот, при отсутствии принципа единогласия сговорившиеся между собой стороны могут навязать своё решение меньшинству, что и означает диктат.

Отсюда нужно сделать вывод: принцип единогласия — вовсе не абстрактный метод, а реальный, установленный соглашениями четырёх держав. Он нашёл своё применение в практике работы Союзной комендатуры в Берлине и Союзной комендатуры в Вене. Это — тот принцип, который установлен международными соглашениями и международной практикой и который является единственно возможным при сотрудничестве равноправных сторон.

Говорят, что принцип единогласия не оправдал себя в работе Союзной комендатуры в Берлине. Конечно, в Союзной комендатуре возникали противоречия и разногласия, из-за которых не всегда удавалось разрешить те или иные вопросы. При всём том, однако, в течение трёх лет Союзная комендатура в Берлине всё же справлялась со своими задачами и справлялась с ними именно потому, что в основе её работы лежал принцип единогласия, обязывающий стремиться к согласованным решениям. Комендатура согласовала ряд серьёзных и трудных вопросов, например, вопрос относительно временной конституции Берлина, выработанной в 1946 году.

Поэтому ссылки на то, что якобы принцип единогласия был причиной прекращения деятельности комендатуры, являются необоснованными. Мы знаем, как произошло прекращение деятельности этой комендатуры в действительности: американский комендант Хаули во время одного из заседаний встал из-за стола и сказал:

«Ну, я пойду спать. Делать здесь мне нечего. У меня завтра много работы».

Конечно, эта выходка не могла не вызвать отпора со стороны советского коменданта, и когда Хаули отказался извиниться за свою грубую, неприличную выходку, то советскому коменданту ничего не оставалось делать, как отказаться от дальнейшего участия в работе органа, в котором было допущено такое издевательское поведение. Поэтому ссылаться на принцип единогласия как на причину крушения работы Союзной комендатуры нет решительно никаких оснований. От подобного рода грубых выходов никто и никогда не застрахован. Таковы факты.

«Известия» № 129 (9969)
от 3 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

3 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, после которого было опубликовано следующее коммюнике, согласованное четырьмя министрами.

КОММЮНИКЕ

СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

3 июня 1949 г.

Сегодня под председательством министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел.

Министры обсуждали предложения делегации Советского Союза и предложения делегации США о Берлине.

Следующее заседание состоится 4 июня, в 15 часов.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 3 июня.

«Известия» № 130 (9970)
от 4 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

4 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, после которого было опубликовано следующее коммюнике, согласованное четырьмя министрами:

КОММЮНИКЕ

СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

4 июня 1949 г.

Сегодня под председательством государственного секретаря США Д. Ачесона состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел.

Министры продолжали обсуждение предложений делегации Советского Союза и предложений делегации США о Берлине.

Следующее заседание состоится 6 июня.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 4 июня.

«Известия» № 131 (9971)
от 5 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

6 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, после которого было опубликовано следующее коммюнике, согласованное четырьмя министрами:

КОММЮНИКЕ

СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

6 июня 1949 г.

Сегодня под председательством министра иностранных дел Франции Р. Шумана состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел.

Министры продолжали обсуждение предложений делегации Советского Союза и предложений делегации США о Берлине.

Завтра, 7 июня, состоится пленарное заседание Совета министров иностранных дел.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 6 июня.

«Известия» № 132 (9972)
от 7 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(7 июня)

— Перед нами стоят по существу два вопроса,— сказал Вышинский,— эти вопросы советская делегация сформулировала две недели тому назад. Речь идёт о восстановлении общегерлинского магистрата и о восстановлении Межсоюзной комендатуры Берлина.

1. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБЩЕБЕРЛИНСКОГО МАГИСТРАТА

Известно, что берлинский магистрат был избран в 1946 году на основании положения о выборах, которое было утверждено представителями четырёх оккупирующих держав, и действовал до осени 1948 года. В основе деятельности магистрата лежала так называемая временная конституция Большого Берлина, также утверждённая в четырёхстороннем порядке.

Прекращение деятельности общегерлинского магистрата, несомненно, отрицательно отозвалось на жизни Берлина, значение которого, как столицы Германии, не требует особых пояснений. Делегация СССР предложила восстановить общегерлинский магистрат, поручив четырёх союзным комендантам провести в Берлине свободные общегородские выборы под четырёхсторонним контролем, имея в виду, — с чем согласились и остальные три делегации в Совете министров иностранных дел, — что этот контроль должен проводиться в таком же порядке, в каком он проводился при выборах в октябре 1946 года.

Однако в представленных 6 июня Совету министров иностранных дел предложениях США по поводу выборной процедуры говорится лишь о том, что для надзора за выборами будет назначен союзный орган в четырёхстороннем составе. В этих предложениях обходится вопрос о том, что этот контроль будет осуществляться в том же порядке, в каком он осуществлялся при выборах 1946 года.

Поскольку ко времени выборов не будет существовать магистрата, для проведения выборов в Берлине должна быть образована комиссия из немцев. Делегация СССР считает, что такая комиссия должна быть образована на паритетных началах, т. е. на основе равного представительства советского сектора, с одной стороны, и западных секторов, — с другой. Такой принцип образования комиссии является вполне целесообразным и справедливым, поскольку в результате проведённых тремя западными державами мероприятий Берлин фактически расколот на две части, каждая из которых и должна быть представлена в комиссии по проведению выборов. Предложение США о том, чтобы комиссия по выборам была составлена из равного числа представителей комендантов каждого из секторов Берлина, советская делегация не может принять. Такое предложение продиктовано явным стремлением обеспечить властям трёх западных секторов преимущественное положение при подготовке выборов и при проведении самих выборов в городское собрание и в

общеберлинский магистрат. С такими домогательствами, разумеется, нельзя согласиться, так как они лишены всякого основания.

Далее Вышинский коснулся вопроса о том, какой круг лиц должен пользоваться избирательным правом. Он указал, что делегация СССР считает необходимым пересмотреть соответствующие статьи положения о выборах 1946 года с тем, чтобы сузить круг лиц, лишённых избирательных прав. Советская делегация считает необходимым предоставить избирательные права бывшим членам нацистской партии и других нацистских организаций, за исключением тех, кто был лишён этих прав по суду.

— Это важный вопрос, и здесь нужна полная ясность,— подчеркнул Вышинский.— Между тем в предложениях США по этому поводу глухо говорится лишь о том, что закон о выборах 1946 года относительно необходимых условий участия в голосовании может быть изменён единогласным соглашением комендантов. В этих предложениях умалчивается о том, в каком направлении могут быть произведены изменения. Таким образом, важный принципиальный вопрос оставляется открытым, между тем возникает законный вопрос: почему бы по этому поводу не договориться уже сейчас в Совете министров иностранных дел?

При проведении выборов большое значение имеет право выдвижения кандидатов. В этом отношении положение о выборах 1946 года также является недостаточным и требует некоторого изменения. Статья 8 этого положения право выдвигать кандидатов предоставляет лишь разрешённым в Большом Берлине политическим партиям. Таким образом, крупнейшие общественные организации, такие, как Культурбунд, Демократический женский союз и другие, а также профессиональные союзы лишены права выдвигать кандидатов как самостоятельно, так и в блоке с политическими партиями. Это ничем не оправданное ограничение свободы выборов противоречит демократическим принципам и направлено на то, чтобы ограничить инициативу избирателей и снизить участие в выборах широких масс населения Берлина, организованного в профессиональные союзы и другие общественные организации.

Делегация Советского Союза поэтому настаивает на том, чтобы статья 8 положения о выборах 1946 года была изменена так, чтобы выдвигать кандидатов на выборах могли все разрешённые в Большом Берлине политические партии, а также все общественные организации, разрешённые Межсоюзной комендатурой.

Отметив, что в предложениях делегации США, представленных 6 июня, значительное место уделено вопросу о свободе личности, свободе слова, религии, печати, радио и т. д., защита которых должна составлять одну из основных функций властей Большого Берлина, Вышинский сказал:

— Надо сказать, что эти принципы были установлены почти четыре года тому назад Потсдамским соглашением. В этом соглашении прямо говорится об уважении свободы слова, печати, религии и т. п. Всё это повторяется теперь в предложениях США. Но почему же в американских предложениях ничего не сказано о свободе выборов, о том, что эта свобода должна быть обеспечена, о том, что не должно быть ограничений свободы выборов, нарушающих элементарные демократические принципы? Почему в этих предложениях ничего не сказано о том, что население, организованное в профессиональные союзы и другие общественные органи-

зации, должно иметь беспрепятственное право выдвигать своих кандидатов и бороться за то, чтобы эти кандидаты были избраны в городское собрание депутатов, а затем и в магистрат? Это существенный пробел, и делегация СССР своим предложением об изменениях статьи 8 положения о выборах стремится устранить этот пробел.

Далее Вышинский отметил, что делегация США настаивает на исключении из утверждённой в 1946 году временной конституции Большого Берлина статьи 36. В этой статье говорится, что все постановления, принятые городским собранием депутатов, а также постановления и распоряжения, издаваемые городским магистратом, должны находиться в соответствии с законами и приказами союзных властей в Германии, Союзной комендатуры Большого Берлина и должны утверждаться последней.

— Советская делегация не может согласиться с предложением делегации США об исключении статьи 36, — сказал Вышинский. — Это предложение означает отказ от права Межсоюзной комендатуры утверждать мероприятия берлинского магистрата, что умаляет роль Межсоюзной комендатуры в управлении Берлином и не соответствует значению этой комендатуры, как органа, несущего ответственность за состояние Берлина и за его управление.

В то же время Вышинский отметил, что делегация СССР, настаивая на сохранении статьи 36 временной конституции Большого Берлина, считает необходимым внести в эту статью изменения, вытекающие из расширения функций общегерлинского магистрата и ограничения функций Межсоюзной комендатуры. Согласно советскому предложению, утверждению Межсоюзной комендатуры подлежат лишь те постановления городского собрания и магистрата, которые приняты по вопросам, относящимся к компетенции Межсоюзной комендатуры, а таких вопросов немного. Кроме того, утверждение Межсоюзной комендатуры, согласно советским предложениям, требуется для тех постановлений городского собрания или магистрата, которые будут опротестованы перед Межсоюзной комендатурой комендантом какого-либо сектора. Надо полагать, что и таких случаев будет, конечно, немного.

Мы считаем необходимым, — заметил Вышинский, — статью 36 с указанным выше изменением оставить в силе. Этого требуют интересы дела и сознание лежащей на оккупационных властях ответственности за обеспечение нормальной жизни Берлина.

Перейдя к вопросу о функциях общегерлинского магистрата, Вышинский напомнил, что делегация СССР предлагает оставить за городским собранием депутатов и общегерлинским магистратом весь объём вопросов, относящихся к муниципальной, в широком смысле этого слова, жизни Берлина. К компетенции городского собрания и магистрата отнесены, в частности, вопросы снабжения; общегородских финансов, включая общегородской бюджет, кредит, цены и налоги; топливо; городской транспорт; связь (почта, телеграф, телефон); полиция и поддержание общественного порядка; внешнеторговые операции; назначение, увольнение и перемещение руководящего состава общегерлинских органов управления; жилищно-строительные дела; местные дела; вопросы культуры; правовые вопросы; вопросы образования и искусства; здравоохранения; труд; кадры; социальное обеспечение; коммунальное хозяйство и городские предприятия; торговля и промышленность.

Вышинский отметил, что многие из этих вопросов, согласно предложениям делегации СССР, должны быть отнесены к исключительной компетенции городского собрания и общеберлинского магистрата. Межсоюзная комендатура может рассматривать такие вопросы лишь в том случае, если на решение городского собрания или общеберлинского магистрата поступит возражение со стороны какого-либо из четырёх комендантов; в таком случае опротестованное решение вступает в силу лишь после утверждения его Межсоюзной комендатурой. Делегация СССР к этому пункту вносит дополнение в том смысле, что в случае разногласий в Межсоюзной комендатуре по поводу протестов на решение магистрата или городского собрания решение вопроса должно быть перенесено на рассмотрение вышестоящей инстанции и не будет приводиться в исполнение до достижения соглашения. Это в точности соответствует статье 3 устава Межсоюзной комендатуры Берлина 1946 года, предусматривающей такой порядок.

— Мы хотим, таким образом, сохранить это уставное положение, — сказал Вышинский. — Какие основания ломать устав Межсоюзной комендатуры, утверждённый почти три года назад и полностью оправдавший себя на практике? Никаких! Однако три делегации предлагают нам произвести такую ломку.

Вышинский напомнил, что делегация США предлагает распространить на Берлин порядок, применяемый в Австрии. В Австрии действия австрийского правительства считаются одобренными, если со стороны союзных властей не последует неодобрения в течение определённого срока. Делегация США предложила, чтобы законодательные постановления и распоряжения властей Большого Берлина, относящиеся к широкому кругу вопросов, также автоматически вступали в силу, если они не будут опротестованы Межсоюзной комендатурой в течение 21 дня с момента их представления комендатуре.

— С таким предложением нельзя согласиться, — сказал Вышинский, — так как условия, существующие в Австрии, отличаются от условий, существующих в Германии. В отличие от Германии, как известно, Австрия не рассматривается как побеждённая вражеская страна; и к моменту заключения в 1946 году соглашения о контрольном механизме в Австрии там уже имелось правительство, признанное Советским Союзом, Соединёнными Штатами, Англией и Францией. Этим и объясняется отличие в организации союзного контрольного механизма в Австрии от организации союзного контрольного механизма в Германии. Этот механизм, в том числе и в Берлине, был построен на иной основе, чем контрольный механизм в Австрии. Это, в частности, отражено в уставе Межсоюзной комендатуры Берлина и в конституции Берлина 1946 года. Согласно этим положениям, единогласное решение Межсоюзной комендатуры требуется не для отмены постановлений магистрата, а для введения в действие этих постановлений. Поэтому должно быть ясно, что правило союзнического соглашения по Австрии совершенно неприменимо к Германии и, в частности, к Берлину. Оно находится в полном противоречии с уставом Межсоюзной комендатуры 1946 года и с временной конституцией Берлина. Оно превратно изображает задачи Межсоюзной комендатуры Берлина и отношения, которые должны существовать между Межсоюзной комендатурой Берлина, с одной стороны, и об-

щеберлинским магистратом и городским собранием депутатов, с другой стороны.

Вышинский напомнил, что в американских предложениях говорится, что вновь избранное городское собрание Берлина будет уполномочено подготовить проект новой конституции для Большого Берлина. Мы считаем, — сказал он, — что в этом случае оно должно действовать в соответствии со статьёй 35 временной конституции Берлина, предусматривающей выработку новой конституции и вовсе не предполагающей закрепить на неопределённо долгий срок особое положение Берлина. Поэтому советская делегация предлагает средактировать соответствующий пункт постановления Совета министров иностранных дел по берлинскому вопросу следующим образом: «Вновь избранное городское собрание Берлина будет уполномочено подготовить проект новой конституции для Большого Берлина в соответствии с положениями статьи 35 конституции Берлина 1946 года».

Таковы вопросы, касающиеся общегородского магистрата Берлина и городского собрания, на которых делегация СССР считала необходимым сегодня остановиться.

2. ВОССТАНОВЛЕНИЕ МЕЖСОЮЗНОЙ КОМЕНДАТУРЫ

— Делегация СССР, — продолжал Вышинский, — предложила восстановить Межсоюзную комендатуру. Это необходимо для того, чтобы можно было координировать общегородские мероприятия по управлению Берлином и обеспечить нормальную жизнь Берлина в целом. С этой задачей связан вопрос о функциях Межсоюзной комендатуры. Делегация СССР в этом случае исходит также из устава Межсоюзной комендатуры, на основе которого до осени 1948 года строились отношения между городским собранием и магистратом, с одной стороны, и Межсоюзной комендатурой — с другой.

Делегация СССР для осуществления указанных целей координации и обеспечения нормальной жизни Берлина предлагает ограничить функции Межсоюзной комендатуры, отнеся подавляющее большинство вопросов к компетенции городского собрания и магистрата. Таковы вопросы, относящиеся к снабжению Берлина, городскому транспорту, финансам, включая и бюджет, кредиты, цены, налоги, к топливу, электроэнергии, связи, назначению и увольнению руководящего состава общегерлинских органов управления, полиции и поддержанию общественного порядка и др. Все такие вопросы относятся к компетенции городского собрания депутатов и общегерлинского магистрата и подведомственны Межсоюзной комендатуре лишь в части контроля за деятельностью берлинского муниципалитета в соответствующих областях.

К компетенции Межсоюзной комендатуры, — можно было бы сказать: к исключительной компетенции Межсоюзной комендатуры, — относятся лишь вопросы о контроле за соблюдением временной конституции 1946 года, надзор за содержанием военных преступников, осуждённых нюрнбергским Международным трибуналом, некоторые вопросы общественной безопасности и те вопросы экономического и административного характера, решение которых связано с мероприятиями, проводимыми оккупационными властями.

Стоит только сравнить изложенные предложения делегации СССР о функциях Межсоюзной комендатуры с предложениями делегации США, чтобы убедиться в том, что американская делегация и поддерживающие её английская и французская делегации домогаются придать Межсоюзной комендатуре другой характер, когда они включают в компетенцию Межсоюзной комендатуры такие вопросы, как демилитаризация, деконцентрация, декартелизация, репарации, реституция и т. д., — вопросы, относящиеся к компетенции Контрольного совета, и не включают в компетенцию этой комендатуры вопросы, связанные с контролем за обеспечением Берлина топливом, продовольствием, транспортом, связью, электроэнергией и т. д. При таком положении становится ясным, насколько беспочвенны и лишены всякого основания попытки американской делегации возражать против советских предложений, ссылаясь на то, будто бы, согласно этим предложениям, ни один вопрос в Берлине не может быть решён без Союзной комендатуры...

Мы уже показали выше, какой широкий круг вопросов отнесён предложениями делегации СССР к компетенции общеберлинского магистрата, который имеет право по всем этим вопросам действовать самостоятельно без предварительного утверждения его решений Межсоюзной комендатурой.

Делегация СССР стоит на том, что все решения комендатуры, как это предусмотрено статьёй 3 устава Межсоюзной комендатуры Берлина 1946 года, должны приниматься единогласно. Единогласные решения необходимы по всем вопросам, входящим в компетенцию Межсоюзной комендатуры. Они необходимы при утверждении постановлений городского собрания депутатов и общеберлинского магистрата. Они необходимы при рассмотрении протестов на решения местных берлинских властей — городского собрания и магистрата. Только при единогласном утверждении таких решений будет обеспечено нормальное течение жизни в Берлине.

В заключение Вышинский коснулся вопроса об оккупационных расходах по Берлину. Он отметил, что делегация СССР исходит из необходимости добиваться сокращения оккупационных расходов до минимума методами, которые подлежат согласованию на четырёхсторонней основе.

«Известия» № 133 (9973)
от 8 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (8 июня)

В начале своего выступления Вышинский напомнил, что Ачесон возражал против предложения делегации СССР об организации комиссии по подготовке и проведению выборов в Берлине из немцев на паритетных началах, т. е. на основе равного представительства советского сектора, с одной стороны, и западных секторов — с другой. Ачесон, а вслед за ним Бевин и Шуман предлагали, чтобы в комиссию по выборам были вре-

дены в равном количестве представители каждого из четырёх секторов Берлина.

— Я думаю, — сказал Вышинский, — что нетрудно убедиться в неосновательности позиции, занятой г-ном Ачесоном. Комиссия по выборам, о которой идёт речь, должна быть составлена из представителей от немецкого населения, а не из представителей оккупационных властей. В предложениях США от 6 июня говорится, что эта комиссия должна быть составлена из равного числа представляющих общественное мнение немцев. Эта комиссия, таким образом, не является органом, представляющим оккупационные власти, и потому при разрешении вопроса о формировании этой комиссии нельзя выдвигать такие мотивы, как равноправие четырёх оккупационных властей. Что касается принципа равноправия оккупационных властей, то советская сторона всегда, когда дело идёт об управлении Германией, считает необходимым применять единственно возможную четырёхстороннюю основу. В данном же случае дело идёт о другом — о немецком представительстве, и здесь мы никак не связаны соображениями четырёхстороннего порядка.

Мы предлагаем положить в основу формирования избирательной комиссии из немцев принцип паритета. Я уже говорил, защищая это предложение, что Берлин по существу расколот на две части и что с этим фактом нужно считаться. Ачесон настаивает на том, чтобы в комиссию были введены представители от каждого сектора Берлина в равном количестве. Но немецкое население, живущее в трёх западных секторах Берлина, не разделено какими-либо межсекторными административными перегородками. Наоборот, нам неоднократно говорили, что три западных сектора представляют собою единое целое и в экономическом, и в административном отношениях. Известно, что в этих трёх секторах имеются единая полиция, единая банковская система, единый транспорт, управляемый из одного «трёхсекторного» центра, единое управление промышленностью трёх секторов. Там есть единый магистрат, причём выборы в этот магистрат проводились по единым спискам для всей западной части Берлина, а не для каждого сектора в отдельности. Поэтому ничем не может быть оправдано требование образовать общеберлинскую комиссию по выборам не из представителей этих двух частей, на которые фактически расколот Берлин, а из равного количества представителей от каждого сектора.

Такое требование делегации США и поддерживающих её делегаций Англии и Франции можно объяснить лишь стремлением обеспечить в подготовке и проведении выборов преимущественное положение за представителями западных секторов Берлина; при этом, очевидно, имеется в виду, что эти представители должны представлять в действительности не немецкое население этих секторов, а оккупационные власти в лице комендантов каждого отдельного сектора.

Вышинский подчеркнул, что в условиях, в которых находится сейчас Берлин, единственно разумным и справедливым принципом образования избирательной комиссии является принцип паритета, а не какой-либо другой принцип. Этот принцип и предлагает делегация СССР положить в основу образования избирательной комиссии.

Далее Вышинский коснулся возражений Ачесона, Бевина и Шумана против советского предложения о том, чтобы общественным организа-

пиям было предоставлено право выдвигать своих кандидатов на выборах в городское собрание Берлина.

— Ачесон согласен с тем, — сказал Вышинский, — чтобы члены общественных организаций имели право, как он сказал, «маршировать с флагами и значками по улице», но предоставить этим организациям право выдвигать своих кандидатов в городское собрание ни он, ни г-н Бевин, ни г-н Шуман не согласны. В оправдание такой позиции противники советского предложения не представили ни одного серьёзного аргумента. Ачесон сказал лишь, что он против такого «маскарада», считая, повидимому, что выдвижение общественными организациями своих кандидатов имеет целью замаскировать действительный смысл и значение такого выдвижения. Конечно, это неубедительно и даже несерьёзно. Общественные организации есть общественные организации. Каждая из них имеет свою программу, имеет своё общественное лицо. Каждым своим действием и всей своей деятельностью в целом та или иная общественная организация демонстрирует эту программу и своё общественное лицо.

О каком же «маскараде» в таком случае может идти речь?

Возникает, однако, естественный вопрос — почему же общественным организациям хотят отказать в праве выдвигать своих кандидатов на муниципальных выборах?

Ответ может быть лишь один. Это можно объяснить лишь стремлением ограничить участие в выборах широких кругов берлинского населения. Хотят ограничить их инициативу и снизить их активность, чтобы легче было провести своих кандидатов и чтобы легче затем было использовать муниципалитет в своих политических целях.

Вышинский напомнил, что Шуман третьего июня на заседании Совета министров иностранных дел подчеркнул, что дело идёт не о городских выборах, а о политических выборах. Шуман подчеркнул также, что в результате выборов в Берлине будет организовано фактически «учредительное собрание», призванное выработать конституцию, причём эта конституция якобы не должна быть чисто муниципальной.

— Не здесь ли, — спросил Вышинский, — нужно искать ответ на вопрос о том, почему при создании берлинского муниципалитета западные державы не хотят уделить должное внимание вопросам, связанным с организацией муниципального хозяйства — таким, как снабжение берлинского населения топливом, продовольствием, электроэнергией, водой, как забота о просвещении, больницах и т. д.? Все эти вопросы они оставляют в стороне, сосредоточивая внимание на проблемах политического характера и представляя сам берлинский муниципалитет чем-то вроде «учредительного собрания».

Конечно, на долю политических партий должна выпасть наиболее ответственная и руководящая роль при проведении выборов в берлинский муниципалитет. Но если правильно понимать задачу муниципальных выборов, то нельзя отстранять общественные организации от активного участия в проведении этих выборов. Им должно быть предоставлено право выдвигать своих кандидатов, а не только устраивать прогулки по улицам с флагами и значками. Общественные деятели, выдвигаемые этими организациями, могут принести своим опытом и знанием дела большую пользу; они могут и должны явиться лучшими строителями новой жизни города, особенно такого, как Берлин, являющийся столицей Германии.

Вот почему советская делегация отстаивает право общественных организаций на выдвижение кандидатов в берлинское городское собрание и рассматривает отказ от предоставления им такого права, как нарушение демократических порядков.

Далее Вышинский перешёл к предложению делегаций западных держав об исключении из временной конституции Берлина статьи 36, в которой говорится, что все постановления городского собрания депутатов и муниципалитета должны находиться в соответствии с законами и приказами союзных властей в Германии, Союзной комендатуры Большого Берлина и должны утверждаться последней. Требуя исключения статьи 36, делегации США, Англии и Франции стремятся представить дело таким образом, что они выступают за расширение прав и полномочий городского собрания и магистрата и за ограничение компетенции комендатуры.

— Так ли это в действительности? — сказал Вышинский. — Обратимся ко всем известному подписанному в Вашингтоне в апреле 1949 года так называемому оккупационному статуту трёх держав в отношении Германии и к особому оккупационному статуту для Берлина, утверждённому тремя державами 14 мая 1949 года. Если внимательно ознакомиться с этими двумя документами и особенно со статутом для Берлина, то оказывается, что трёхсторонняя Межсоюзная комендатура получает очень широкие полномочия. В компетенцию трёхсторонней комендатуры входят и разоружение, и репарации, и реституция, и декартелизация, и вопрос о перемещённых лицах, и надзор за внешней торговлей и за обращением иностранной валюты, и контроль над соблюдением временной конституции Берлина 1946 года, и контроль за внутренними делами, и ряд других вопросов. В полномочия комендатуры входят и контроль над берлинской полицией, и надзор за банковским делом и за кредитной политикой и т. д., и т. п. Таким образом, все существенные вопросы, касающиеся Берлина, не отнесены к компетенции одного лишь магистрата, а подлежат ведению также трёхсторонней Межсоюзной комендатуры. Такова линия, которая проводится и сейчас в предложениях делегации США. Разница заключается лишь в редакции формулировок.

Согласно этим предложениям, Союзная комендатура должна давать директивы берлинским властям по целому ряду вопросов. При этом, когда говорится о разоружении и демилитаризации, в компетенцию комендатуры включается и контроль над научной работой, и контроль над ограничениями в отношении промышленности и гражданской авиации. Далее предусматривается, что компетенция комендатуры будет распространена на репарации, реституцию, декартелизацию, деконцентрацию и т. д. Во всех этих областях муниципалитет не будет иметь права действовать самостоятельно.

Согласно второму пункту американских предложений, немецким властям Большого Берлина предоставляется ряд полномочий, однако, как сказано в этом пункте, комендатура сохраняет за собой право «действовать непосредственно» и в этой области. Таким образом, берлинский магистрат не получает права действовать самостоятельно и в отношении тех вопросов, которые указаны во втором пункте американских предложений.

Имеются ещё три категории вопросов, в отношении которых берлинские власти, согласно американским предложениям, также не в праве действовать самостоятельно: внесение поправок к временной конституции, принятие новой конституции и внесение последующих к ней поправок.

— Таковы вопросы, — заключил Вышинский, — в разрешении которых берлинский магистрат, согласно предложениям США, должен быть связан контролем Межсоюзной комендатуры или просто «непосредственной деятельностью» комендатуры, которая будет принимать по всем этим вопросам известные решения.

Здесь представители западных делегаций указывали, что американские предложения якобы имеют то преимущество, что они передают известный круг вопросов на полное усмотрение берлинского магистрата с тем, чтобы магистрат решал эти вопросы без какого-либо участия со стороны Межсоюзной комендатуры.

Правильна ли такая постановка вопроса?

Мы считаем, что она принципиально неправильна. Межсоюзная комендатура не может безразлично относиться к таким вопросам, как снабжение Берлина продовольствием, топливом, электроэнергией, водой, газом, как состояние городского транспорта. Все эти вопросы затрагивают существенные нужды населения. Поэтому Межсоюзная комендатура обязана проявлять к ним серьёзное внимание. Она не вправе упускать их из своего поля зрения.

— Утверждение решений магистрата и контроль, — продолжал Вышинский, — не ограничивают компетенцию магистрата, они представляют собою лишь форму помощи магистрату. О контроле, конечно, можно судить различно. Можно представить себе контроль в виде формального чиновничьего наблюдения за тем, что делается, в виде чиновничьего шгемпелевания, без души и заинтересованности. Это, действительно, способно затормозить всякую жизнь. Но может быть и иной контроль — активный и благожелательный, помогающий контролируемому органу лучше действовать, лучше работать. Мы понимаем контроль именно так. Это — живое сотрудничество контролирующей инстанции с нижестоящей, находящейся под контролем. Это — содействие и помощь органу, несущему известную ответственность за решение тех или иных задач.

В пункте первом устава Межсоюзной комендатуры 1946 года сказано: «Функции комендатуры заключаются в регулировании всех городских дел, являющихся общей заботой оккупирующих держав, и контроль над деятельностью немецких городских властей». Здесь слово «контроль» не случайно связано со словом «забота».

Касаясь попыток Ачесона представить дело таким образом, будто бы советские предложения продиктованы стремлением обеспечить широкое применение «вето» в практике Межсоюзной комендатуры, Вышинский показал беспочвенность подобных заявлений.

— Вчера г-н Ачесон говорил: «Я не хочу, чтобы к результатам выборов, которые будут происходить в Берлине, применялось вето, как это было в 1946 году».

Г-н Ачесон, — сказал Вышинский, обращаясь к государственному секретарю США, — такого факта не было и результаты выборов 1946 года никакому «вето» никогда не подвергались.

Вышинский процитировал протокол 30-го заседания комендатуры от 5 ноября 1946 года, в котором изложен ход выборов и дана оценка этих выборов со стороны комендантов. В протоколе, в частности, сказано: «Американский представитель согласен с председателем (председательствовал советский представитель) в оценке работы проверочных групп. По его мнению, успех этих выборов отражает решимость союзников провести то, что называется действительно демократическими выборами». Далее в протоколе указывается, что выборы были организованы хорошо и что руководители, проводившие выборы, справились с работой. Американский представитель заявил, что выборы базировались на процедуре, предусмотренной заново созданной временной конституцией Берлина. Он сказал, что эти выборы явились образцом применения демократических методов и что они могут быть выгодно сравнены с выборами в любой демократической стране. Это мнение разделили коменданты английского, французского и советского секторов. Председествовавший советский комендант констатировал общее согласие с тем, что выборы прошли организованно и что демократические принципы были соблюдены.

— Таким образом, — сказал Вышинский, — налицо согласованное, положительное мнение всех четырёх комендантов о ходе выборов 1946 года. Ясно, что заявление г-на Ачесона о каком-то «вето» в отношении результатов выборов 1946 года лишено основания.

Вышинский подчеркнул, что та система четырёхстороннего контроля над проведением выборов, которая была применена в 1946 году, не только не создала какого-то тупика, о чём говорил, между прочим, Шуман, но, наоборот, обеспечила успех проведения этих выборов.

Далее Вышинский огласил цифры, наглядно показывающие, что метод единогласия отнюдь не является препятствием в работе комендатуры. Опираясь на этот метод, Межсоюзная комендатура в 1945 и 1946 годах успешно разрешала стоявшие перед ней задачи. Так, в 1945 году Межсоюзная комендатура рассмотрела 217 вопросов, причём по 167 вопросам были приняты согласованные решения. Таким образом, почти 73 процента вопросов, рассмотренных комендатурой, были разрешены на основе принципа единогласия. Коменданты не пришли к согласию лишь по 9 из 217 рассмотренных вопросов, что составляло лишь 4 процента. В 1946 году картина несколько изменилась; согласованные решения были приняты по 70 из 199 рассмотренных вопросов, что составляет 35 процентов. Не удалось притти к согласию по 5 вопросам из 199, что составляет 2,5 процента. Значительное количество вопросов было передано на дальнейшее согласование.

— Далее, в 1947 и 1948 годах, как известно, дела пошли хуже, — сказал Вышинский. — Чем же это объясняется? Очевидно, объяснить это методом нельзя, поскольку при том же методе раньше достигались хорошие результаты. Причина — в той политической атмосфере, которая окружала работу Межсоюзной комендатуры. Поэтому я считаю, что те критические замечания, которые были направлены своим остриём против метода единогласия, как основы работы Межсоюзной комендатуры, неправильны.

Отметив, что делегации западных держав выступают против этого метода, который до сих пор был принят и который является единственно правильным, Вышинский заметил:

— Принцип единогласия не устраивает представителей трёх держав, когда речь идёт о четырёхстороннем контроле. Им, однако, нравится тот принцип, который сформулирован в трёхстороннем соглашении о контроле, подписанном в Вашингтоне в апреле 1949 года. Я имею в виду метод так называемого «пропорционального голосования», когда представители союзных держав получают право голоса в зависимости от того, какие суммы они вкладывают в оказание так называемой «помощи» Западной Германии. При этом по известной группе вопросов решающее слово предоставляется одному лишь партнёру — Соединённым Штатам Америки. Такая система голосования изображается как «движение вперёд», как последнее слово демократии!

Об этом «пропорциональном голосовании» с оговоркой о решающей роли в определённых случаях Соединённых Штатов следует напомнить тем, кто склонен рассматривать применение принципа единогласия как «нарушение демократических принципов». Особенно следует напомнить об этом тем, кто любит кстати и некстати утверждать, будто бы защитники принципа единогласия добиваются того, чтобы один мог навязывать свою волю трём...

Далее Вышинский остановился на заявлении Шумана о том, что предложения делегации СССР представляют собой шаг назад, к 1946 году.

— Кажется, все согласились, — заметил Вышинский, — что выборы необходимо провести на основе избирательного закона 1946 года и что берлинский магистрат должен действовать на основе временной конституции 1946 года. Таким образом, разговоры о том, будто бы советская делегация пытается «тянуть назад», совершенно неосновательны и беспочвенны.

Г-н Шуман заявил, что общая характеристика позиции советской делегации состоит в том, чтобы открыто и сознательно предложить *отойти назад* к 1946 или даже 1945 году. Это, конечно, карикатура на советские предложения, совершенно не отвечающая действительности. Но всё же интересно: что значит «отойти назад»? Если послушать г-на Шумана, окажется, что шагом назад является выполнение решений, принятых на Потсдамской конференции. Если следовать мнению г-на Шумана, то выходит, что нарушать международные обязательства, принятые в 1945 году, значит двигаться вперёд, а требовать выполнения этих обязательств — значит двигаться назад.

Но если так свободно обращаться с международными обязательствами, то как можно в таком случае оправдать положение той державы, которая именно в силу международного соглашения, заключённого в 1945 году, участвует в Контрольном совете и осуществляет свою оккупационную власть в отношении Германии на основе этого соглашения? Положение такой державы можно оправдать, только исходя из указанного международного соглашения и из вытекающих из него обязательств, хотя это соглашение и было заключено почти четыре года назад.

Поэтому мы вправе ещё раз напомнить об этих обязательствах и, более того, настаивать на их выполнении, хотя бы они относились к 1945 году или даже к более раннему периоду.

Утверждать, что отрицание принципов Потсдамского соглашения и проведение мероприятий, нарушающих это соглашение, является движе-

нием вперёд, а требование соблюдать это соглашение является движением назад,— это значит перепутать все понятия...

Касаясь заявления Шумана о том, что сохраняющая силу до сих пор система союзного контроля «привела к тупику», Вышинский сказал:

— Если говорить о тупике и о причинах тупика, то должно быть ясно, что такие причины лежат в политике сепаратных мероприятий, нашедшей своё выражение в целом ряде раскольнических действий западных держав. Если говорить о том, как найти выход из тупика, то сделать это можно, лишь ликвидировав эту раскольническую политику. Для этого нужно твёрдо стать на путь политики, направленной на обеспечение единства Германии, на преобразование Германии в единое миролюбивое демократическое государство.

Перейдя к выступлению Бевина, Вышинский констатировал, что Бевин допустил, говоря мягко, явное преувеличение, когда заявил, что предложение делегации СССР имеет в виду контроль Межсоюзной комендатуры над назначением и увольнением «любого служащего». Вышинский напомнил, что в советском предложении речь идёт лишь о контроле над назначением и увольнением *руководящего состава* общегерманского городского управления. Круг таких лиц был определён четырёхсторонним соглашением в документе № 56 от 1947 года. Он находится в полном соответствии с временной конституцией Большого Берлина.

Г-ну Бевину должен быть известен этот документ. Остаётся, однако, непонятным, почему г-н Бевин счёл возможным игнорировать тот факт, что контроль Межсоюзной комендатуры распространяется лишь на точно определённый круг назначений и увольнений должностных лиц, перечисленных в документе № 56.

Касаясь заявления Бевина о том, будто бы право опротестования решений муниципалитета и городского собрания, предусмотренное советскими предложениями, «способно остановить всю муниципальную жизнь большого города», Вышинский сказал:

— Это замечание г-на Бевина также можно отнести к преувеличениям, которые он нередко допускает в пылу полемики. Чтобы убедиться в этом, следует вспомнить ту часть нашего предложения, где говорится, что в случае разногласий по поводу протеста, вопрос переносится комендантами в вышестоящую инстанцию, как этого требует статья третья устава Межсоюзной комендатуры. Отношения между Межсоюзной комендатурой и берлинским магистратом строились на основе этого устава в течение ряда лет. Мы ни разу не слышали никаких протестов по поводу этого устава. Никто не предлагал внести в него изменения, никто не говорил, что устав не отвечает требованиям времени и что его нужно пересмотреть, так как его постановления угрожают тем, что «может остановиться вся жизнь большого города».

Если бы г-н Бевин не забыл о том, что существует устав Межсоюзной комендатуры, в котором имеются соответствующие, регулирующие данный вопрос правила, и предварительно ознакомился бы с этим уставом, он избежал бы допущенных им ошибок.

В заключение Вышинский сказал:

— Советская делегация предлагала и предлагает восстановить Межсоюзную комендатуру на основе её устава, утверждённого четырьмя

державами в 1946 году и оправдавшего себя на практике. Советская делегация предлагала и предлагает восстановить общеберлинский магистрат, проведя свободные выборы на основе избирательного закона 1946 года с поправками, которые нужно внести в этот закон в соответствии с изменившимися обстоятельствами, не сужая, а углубляя выраженные в международных соглашениях принципы, на которых должна строиться жизнь и деятельность общеберлинского муниципалитета и Межсоюзной комендатуры Берлина.

Советская делегация уверена, что принятие предложений правительства СССР, которые она здесь защищает, поможет урегулированию берлинского вопроса, приблизит нас к заключению мирного договора с Германией и ускорит осуществление задачи преобразования Германии в единое миролюбивое демократическое государство.

* * *

С ответом на выступления представителей западных держав выступил Вышинский.

Касаясь замечания Ачесона о том, что он имел в виду не применение «вето» советским комендантом в Берлине в отношении выборов 1946 года, а протест советского коменданта против назначения на руководящие посты в магистратуре некоторых лиц, в том числе Ройтера, Вышинский сказал:

— Я процитировал здесь лишь то, что было сказано г-ном Ачесоном, следовательно, неточность зависела не от меня. Что же касается назначения лиц, о которых он говорил, то по поводу наиболее крупного из них — Ройтера я могу напомнить об одном немаловажном факте. 18 марта 1947 года на заседании комендантов обсуждалось заявление четырёхстороннего подкомитета по электроэнергии, который единогласно решил снять Ройтера с той работы, на которой он тогда находился (Ройтер был начальником транспортного отдела берлинского магистрата). Это решение было принято представителями всех четырёх комендантов в связи с тем, что Ройтер не выполнил приказа Союзной комендатуры и сделал лживое выступление в прессе, в котором он пытался дискредитировать союзные оккупационные власти. Естественно, что, когда встал вопрос о назначении Ройтера на более высокий пост — на пост мэра Берлина, советская часть комендатуры возражала против этого. Она справедливо считала, что Ройтер является ненадёжным человеком, поскольку представители четырёх комендантов в подкомитете признали его неподходящим даже для должности начальника транспортного отдела. Таким образом, эта личность едва ли заслуживает того, чтобы приводить протест советского коменданта против его назначения в качестве образца несправедливости.

Касаясь вопроса, поставленного Ачесоном, Вышинский напомнил, что ответ на него дан советскими предложениями уж несколько дней тому назад. Советская делегация отстаивала и отстаивает принцип единогласия при решении всех вопросов, входящих в компетенцию Межсоюзной комендатуры.

— Со своей стороны, — продолжал Вышинский, — я хочу спросить г-на Ачесона, — правда или неправда, что по трёхстороннему соглашению оккупационные власти западных секторов Берлина могут

взять в свои руки в любое время всю полноту власти в этих секторах, отобрав её у магистрата? Задавая этот вопрос, я мог бы сказать г-ну Ачесону, что ответ на него содержится в пункте 3 оккупационного статута западных секторов Берлина.

По поводу замечания Шумана о том, что нужно «различать принципы и методы», Вышинский сказал:

— Принципы и методы надо различать, но не следует забывать, что в основе методов должны лежать какие-то принципы. В частности, в основе метода четырёхстороннего союзного контроля, установленного международными соглашениями, лежит принцип единогласного решения. При этом следует иметь в виду, что часто принципы опрокидывают, ссылаясь на то, что они хороши, но якобы не могут быть проведены в жизнь и что плохи методы, при помощи которых осуществляются эти принципы.

Касаясь заявления Шумана о том, что роль оккупационных властей заключается не в том, чтобы защищать интересы германского народа, а в том, чтобы подготовить мир, Вышинский заметил:

— Получается довольно странное положение. Выходит как будто бы так, что интересы германского народа и подготовка мира не совпадают. Выходит, что мир, который западные державы хотели бы подготовить для Германии, не соответствует интересам германского народа. С такой постановкой вопроса нельзя согласиться. Мы считаем, что мир, который мы должны подготовить для Германии, это — демократический мир, отвечающий интересам всех миролюбивых народов, отвечающий интересам и германского народа. Другой постановки вопроса быть не может.

Дальнейший обмен мнениями не внёс ничего нового в дискуссию по обсуждаемому вопросу. Представители западных держав повторяли свою аргументацию против принципа единогласия в Межсоюзной комендатуре, неоднократно опровергнутую с советской стороны, и вновь пытались представить дело таким образом, будто бы они выступают за расширение прав немцев по управлению Берлином.

Однако, отвечая на вопрос, прямо поставленный Вышинским, Ачесон вынужден был признать, что так называемый оккупационный статут западных секторов Берлина предусматривает, что полномочия, предоставленные немецким органам, могут быть в любое время взяты обратно комендантами этих секторов.

«Известия» № 134 (9974)
от 9 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (9 июня)

Напомнив, что с советской стороны нет никаких задержек в рассмотрении вопросов, связанных с отменой указанных ограничений, А. Я. Вышинский сказал:

— 9 мая 1949 года в приказе главноначальствующего советской администрации за № 56 было всенародно объявлено о снятии всех огра-

ничений, которые были введены советскими оккупационными властями с 1 марта 1948 года. К сожалению, в других зонах оккупации такие приказы не были опубликованы. Советская администрация сняла введенные ею с 1 марта 1948 года ограничения полностью. Переговоры, которые возникли вслед за тем, касались ряда вопросов, связанных с отменой этих ограничений, а также с тем, что в других зонах, по мнению наших представителей, не все ограничения были отменены. Вышинский сказал, что он запросил оккупационные власти советской зоны о ходе переговоров и даст ответ на предложение Ачесона, как только получит необходимые сведения. В ходе заседания Вышинский сообщил, что запрошенные им сведения получены и что у него нет возражений против предложения Ачесона.

Министры должны были сегодня продолжать рассмотрение второго пункта повестки дня: «Берлин и валютный вопрос». Однако председательствующий Ачесон предпринял попытку оборвать обсуждение этого вопроса, хотя министры ещё не высказались по существу валютной проблемы, рассмотрение которой на данной сессии было предусмотрено Нью-Йоркским соглашением четырёх держав от 5 мая 1949 года.

— Мы уже несколько дней обсуждали пункт второй повестки дня и в узких заседаниях, и на пленарных заседаниях,— сказал Ачесон,— и я не знаю, есть ли что ещё обсуждать по этому пункту?

Он предложил «пойти дальше», оставив возможность вернуться к данному пункту повестки дня позднее.

Шуман, забегая вперёд, сказал, что он не думает, что следует начинать дискуссию... по третьему пункту повестки дня — о подготовке мирного договора с Германией. «Это моё мнение,— сказал он. — Оно может оказаться пессимистическим, но находится в полном соответствии с логикой».

А. Я. Вышинский выступил против попыток уйти от обсуждения важнейших вопросов, стоящих в повестке дня Совета министров иностранных дел. Напомнив о том, что вопрос о валюте ещё не обсуждался, он сказал:

— Г-н Шуман, как мы видим, предлагает не обсуждать вопрос о валюте для Берлина. Я буду решительно возражать против этого, тем более что мы ещё ни слова не сказали по этому вопросу. В Нью-Йоркском коммюнике четырёх правительств было установлено, что берлинский вопрос включает и вопрос о валюте. Мы условились, что валютный вопрос должен быть здесь рассмотрен, и нет никаких оснований отказываться от этого.

Ачесон и Шуман поспешили заявить, что произошло «недоразумение» и что они «не имеют никаких возражений» против обсуждения валютного вопроса. «У вас есть право обсуждать любой вопрос, который стоит в повестке дня»,— сказал Ачесон.

— Я должен напомнить,— возразил Вышинский,— что Совет министров иностранных дел в самом начале сессии решил обсудить валютный вопрос. Я забочусь не только о своих правах, которые я хорошо знаю, но также об обязанностях моих коллег в Совете министров.

Далее Вышинский изложил позицию делегации СССР по существу вопроса о единой валюте для всего Берлина.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

В начале своего выступления Вышинский сказал, что делегация СССР предлагает исходить при рассмотрении вопроса о валюте для Берлина из решений, уже согласованных четырьмя державами. Он напомнил, что 30 августа 1948 года между СССР, США, Англией и Францией была договорённость о введении в качестве единственной валюты в Берлине немецкой марки советской зоны и об изъятии из обращения в германской столице западной марки.

— Я хотел бы кратко напомнить содержание соглашения, достигнутого 30 августа 1948 года, — сказал Вышинский. — Согласно пункту (а) этого соглашения, должны были быть сняты ограничения связи, транспорта и торговли между Берлином и западными зонами, а также движения грузов в советскую зону Германии и обратно. На основе этого положения и было достигнуто последующее соглашение 5 мая 1949 года, которое и было реализовано 12 мая. Указанные ограничения в советской зоне уже сняты. Таким образом, первая часть согласованного решения от 30 августа 1948 года выполнена. Пункт (б) этого соглашения гласит: «Немецкая марка советской зоны будет введена в качестве единственной валюты для Берлина, и западная марка будет изъята из обращения в Берлине». Эта вторая часть директивы от 30 августа не была приведена в исполнение.

Вышинский напомнил далее, что на основе приведённых выше двух положений главнокомандующим оккупационных войск в Германии было поручено консультироваться с тем, чтобы «провести в возможно короткий срок детальные мероприятия, необходимые для осуществления этих решений». Главнокомандующим было поручено обеспечить отсутствие дискриминации или действий, направленных против держателей западных марок, в связи с обменом этих западных марок, выпущенных в Берлине; эти марки должны были быть приняты к обмену на немецкие марки советской зоны по соотношению 1 : 1. Главнокомандующим было поручено, далее, обеспечить равные условия в отношении валюты и предоставления вполне доступных банковских и кредитных возможностей во всех секторах Берлина. Четыре главнокомандующих должны были предусмотреть достаточные гарантии в целях предотвращения того, чтобы использование в Берлине немецкой марки советской зоны не привело к расстройству денежного обращения или к нарушению устойчивости валюты в советской зоне оккупации. Согласно данному соглашению, мероприятия, предусмотренные главнокомандующими, должны были обеспечить удовлетворительную основу для торговли между Берлином и западными зонами Германии.

Мероприятия эти должны были обеспечить также предоставление достаточного количества валюты для бюджетных целей и для максимального снижения оккупационных расходов, а также для достижения нетто-баланса в Берлине.

Важным вопросом являлся вопрос о регулировании денежного обращения в Берлине. В директиве четырёх правительств главнокомандующим оккупационных войск по этому поводу было указано, что регулирование денежного обращения в Берлине должно осуществляться Немецким эмиссионным банком советской зоны через действующие в

настоящее время кредитные учреждения Берлина. Наконец, было предусмотрено, что для контроля за практическим осуществлением указанных выше финансовых мероприятий, связанных с введением и обращением единой валюты в Берлине, создаётся финансовая комиссия из представителей четырёх главнокомандующих.

Вышинский напомнил далее, что вопрос о единой валюте для Берлина был предметом обсуждения Совета безопасности ООН по инициативе США, Англии и Франции.

30 ноября 1948 года Совет безопасности поручил техническому комитету по вопросам валюты и торговли Берлина разработать мероприятия и рекомендации, которые могли бы послужить урегулированию этого вопроса. В работе комитета участвовали представители Аргентины, Бельгии, Канады, Колумбии, Кубы, Египта, Сирии и представитель генерального секретаря ООН.

Комитет работал с 30 ноября 1948 года по 11 февраля 1949 года. Он выработал рекомендации, в основу которых были положены принципы, согласованные четырьмя державами и нашедшие своё выражение в их директиве главнокомандующим от 30 августа 1948 года. Кроме того, комитет счёл необходимым предложить некоторые мероприятия в целях поддержания эмиссии валюты в Берлине; по мнению комитета, эти мероприятия могли бы создать гарантии, предотвращающие ненужное расстройство валютного положения в Берлине в результате возможных колебаний денежного обращения.

— Советская делегация, — продолжал Вышинский, — считает, что при рассмотрении вопроса о введении единой валюты для всего Берлина необходимо исходить из соглашения от 30 августа 1948 года, о котором я сейчас говорил. При этом следует иметь в виду, что в деле введения единой валюты значительная роль должна принадлежать финансовой комиссии, функции которой надо определить. Советская делегация предлагает взять за основу рекомендации технического комитета экспертов по вопросам валюты и торговли от 23 декабря 1948 года. Эти рекомендации рассматривались уже в своё время. Они привлекли к себе большой интерес со стороны представителей четырёх держав, но тогда по ним не удалось договориться. Советская делегация считает необходимым вновь внимательно и тщательно рассмотреть данный вопрос на настоящей сессии Совета министров иностранных дел.

Таким образом, предложения советской делегации по валютному вопросу в Берлине сводятся к следующему:

1. Ввести для всего Берлина единую валюту.
2. В качестве единственной валюты для Берлина принять немецкую марку советской зоны оккупации, как это согласовано в директивах от 30 августа 1948 года, выработанных совместно четырьмя державами — Великобританией, Соединёнными Штатами, Францией и Советским Союзом, со всеми теми последствиями, которые указаны в этих директивах и которые вытекают из того же решения.
3. При выработке положений о деятельности четырёхсторонней финансовой комиссии и при обсуждении этих функций взять за основу рекомендации технического комитета от 23 декабря 1948 года.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ
СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
(10 июня)

В начале своего выступления Вышинский напомнил, что всякий раз, когда министры подходят к вопросу о подготовке мирного договора с Германией, Бевин выражает «разочарование» и ссылается на какие-то препятствия, якобы мешающие подготовить этот договор.

Так, на Московской сессии Совета министров иностранных дел в марте 1947 года Бевин видел это препятствие в том, что тогда делегация СССР настаивала на необходимости создать германское правительство, с которым можно было бы заключить мирный договор.

Полгода спустя, на Лондонской сессии Бевин уже сам говорил, что для заключения мирного договора нужно, чтобы было создано германское правительство. Он утверждал, что, пока такого германского правительства нет, нельзя браться за подготовку мирного договора.

Теперь Бевин говорит, что нельзя рассматривать вопрос о подготовке мирного договора, так как не представлено проекта мирного договора. Но разве нельзя теперь же начать подготовку такого проекта?

Бевин говорит также, что у нас нет процедуры подготовки мирного договора. Но разве нельзя выработать эту процедуру?

Всё это — далеко не непреодолимые препятствия, и дело, конечно, не в этих препятствиях.

— Обратимся, в частности, к вопросу о процедуре, — сказал Вышинский. — Существует документ № 78 от 12 ноября 1947 года, представляющий собой проект процедуры подготовки германского мирного договора. Это довольно обстоятельный проект. По этому проекту у нас действительно имеются разногласия. Но почему бы нам не попробовать теперь обсудить этот проект, почему бы нам не рассмотреть все параграфы, по которым имеются разногласия, и не попытаться устранить эти разногласия? Г-н Бевин, однако, не хочет этим заниматься. Он ограничивается тем, что просто констатирует наличие разногласий, и заявляет, что нам не следует дальше заниматься этим делом. Таким образом, получается какой-то заколдованный круг: с одной стороны, нельзя вести подготовку мирного договора потому, что не устранены какие-то разногласия; с другой стороны, не хотят предпринять ничего, чтобы устранить разногласия. Между тем подготовка мирного договора с Германией — это такая важная задача, от разрешения которой нельзя отказываться, ссылаясь на то, что не разрешены какие-то другие вопросы. Конечно, не решены многие вопросы, и они не могут быть решены сразу. Однако было бы наивно думать, что если нельзя решить все вопросы сразу, то нельзя решить и какой-либо один вопрос, тем более вопрос, связанный с процедурой подготовки договора. Если уже говорить о разочаровании, то можно быть разочарованным этим постоянным «разочарованием» г-на Бевина, когда дело касается подготовки мирного договора с Германией.

Вышинский напомнил далее, что вопрос о подготовке германского мирного договора был единогласно включён в повестку нынешней сессии

Совета министров иностранных дел. Это можно было принять за свидетельство того, что Совет министров считает вопрос о подготовке мирного договора с Германией вполне назревшим, требующим своего скорого разрешения.

— Мы вправе были ожидать, — продолжал Вышинский, — что все делегации сделают необходимые усилия, чтобы рассмотрение этого вопроса дало необходимые результаты. Делегация СССР была уверена, что все делегации представят Совету министров иностранных дел свои предложения, свои проекты решения проблемы, стоящей перед нами. Что касается делегации СССР, то она готова представить конкретные предложения, принятие которых, как мы надеемся, могло бы обеспечить или, во всяком случае, облегчить успешное выполнение тех обязательств, которые четыре державы приняли на себя в соответствии с решениями Потсдамской конференции, в частности по мирному урегулированию с Германией.

Вышинский отметил далее, что при учреждении Совета министров иностранных дел в Потсдаме была подчеркнута его специальная задача, а именно — подготовительная работа по мирному урегулированию. В частности, в Потсдамском соглашении было сказано, что Совет министров будет использован для подготовки мирного договора с Германией. Однако делегации США, Англии и Франции систематически уклоняются от выполнения этого обязательства.

— Вопрос о мирном договоре с Германией, — продолжал Вышинский, — является, как это всем нам понятно, одним из важнейших вопросов международной политики. Он является коренным вопросом для Германии, так как должен определить судьбы Германии на долгий период, как говорил об этом глава делегации СССР В. М. Молотов ещё на 5-й сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне в 1947 году.

Мирный договор с Германией — это широкий путь к ликвидации последствий войны не только для Германии, но и для всех миролюбивых народов Европы. Это путь экономического и политического восстановления Германии, путь её развития как единого миролюбивого демократического государства. В скорейшем заключении мирного договора поэтому заинтересован не только германский народ, но и все народы, стремящиеся к установлению и укреплению мира на демократических началах, установленных в Ялте и в Потсдаме в 1945 году. Эти начала нашли своё выражение в историческом заявлении руководителей правительств США, Великобритании и Советского Союза в феврале 1945 года об их решимости создать в сотрудничестве с другими миролюбивыми нациями построенный на принципах права международный порядок, посвящённый миру, безопасности, свободе и всеобщему благосостоянию человечества.

Вышинский напомнил далее, что Германия занимает важное место в системе международного хозяйства. Германия не может оставаться вне международного общения, за пределами семьи демократических государств; такое её положение нетерпимо для германского народа и вредно с точки зрения интересов всех миролюбивых народов Европы и всего мира. За четыре года, прошедшие после разгрома гитлеровской военной машины и после ликвидации гитлеровского государства, в Германии достигнуты значительные успехи в деле демократического преобразова-

ния. Заключение мирного договора обеспечит дальнейшие успехи в этом направлении, так как создаст благоприятные условия для дальнейшего роста и консолидации демократических сил во всей Германии, для укрепления демократических принципов в административном устройстве и в общественной жизни Германии, для укрепления воли немецкого народа к установлению международного сотрудничества со всеми демократическими странами мира. Мирный договор облегчит, таким образом, достижения дальнейших успехов Германии в деле её национального подъёма и сплочения всех прогрессивных сил для разрешения задач демократического и мирного сотрудничества с другими народами.

Понятно, что всё это обязывает Совет министров иностранных дел позаботиться о скорейшем заключении мирного договора с Германией.

Вышинский напомнил, что советское правительство ещё на 5-й сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне в 1947 году предлагало безотлагательно приступить к разработке мирного договора с Германией. При этом делегация СССР указала, что дальнейшее откладывание решения этого вопроса невозможно и что невозможно лишать германский народ права на мирное и независимое существование. Советское правительство предложило тогда, чтобы правительства четырёх держав в двухмесячный срок представили Совету министров проекты основ мирного договора с Германией. Однако это предложение не было поддержано другими министрами, которые уклонились даже от его обсуждения.

С другой стороны, делегация США на совещании заместителей министров иностранных дел в Лондоне в 1947 году выступила с предложением, идущим в направлении, прямо противоположном задаче скорейшей подготовки мирного договора. Она предложила подготовить вместо мирного договора так называемый «международный статут». Делегат США так прямо и заявил, что он хотел бы, «чтобы вместо традиционного мирного договора с Германией был представлен международный статут...».

С тех пор идея «международного статута» всё больше крепла в руководящих кругах США, Англии и Франции, а идея мирного договора всё более чахла. В конце концов вместо мирного договора появился подписанный в Вашингтоне Соединёнными Штатами Америки, Англией и Францией оккупационный статут.

— Мы уже имели случай, — сказал Вышинский, — говорить на этой сессии об этом оккупационном статуте, и потому сейчас нет необходимости повторять сказанное по этому поводу. Следует лишь напомнить, что главная цель введения оккупационного статута заключалась именно в том, чтобы подменить им мирный договор и продлить режим оккупации на неопределённое время. Введение оккупационного статута было направлено именно на то, чтобы отложить заключение мирного договора с Германией в долгий ящик или же, как говорят греки, «отложить до греческих календ», которых, как известно, никогда не существовало. Советская делегация уже обращала внимание на такое странное положение, когда через четыре года после прекращения военных действий в Европе немецкому народу пытаются навязать оккупационный статут, притом даже без установления срока его действия, и всячески оттягивают подготовку мирного договора с Германией.

Отметив далее, что в течение нынешней сессии представители западных держав не раз говорили о необходимости предоставить германскому народу возможно больше прав и возможностей по устройству своих дел, Вышинский сказал:

— В таком случае первым шагом на этом пути должна была бы явиться скорейшая подготовка мирного договора с Германией, без заключения которого теряют всякое значение заверения о готовности предоставить немцам право решать свои собственные дела без иностранной опеки.

Подчеркнув, что Советский Союз неизменно проводил и проводит политику, направленную на обеспечение демократического мира и дружественного сотрудничества народов, что советское правительство неоднократно ставило и ставит сейчас вновь вопрос о скорейшей подготовке и скорейшем заключении мирного договора с Германией, Вышинский сказал, что советская делегация вносит предложение, чтобы правительства Соединённых Штатов Америки, Великобритании, Франции и Союза Советских Социалистических Республик в трёхмесячный срок представили в Совет министров иностранных дел проекты мирного договора с Германией и чтобы в этих проектах мирного договора с Германией было предусмотрено, что оккупационные войска всех держав будут выведены из Германии в годичный срок после заключения мирного договора.

Советская делегация вместе с тем предлагает Совету министров иностранных дел постановить, что на данной сессии совета будет закончено рассмотрение процедуры подготовки мирного договора.

Огласив эти предложения, Вышинский напомнил, что несколько месяцев тому назад на 3-й сессии Генеральной ассамблеи ООН была принята важная резолюция, единодушно поддержанная также делегациями, присутствующими ныне на сессии Совета министров иностранных дел. В этой резолюции от 3 ноября 1948 года сказано, что организация Объединённых наций не может полностью достигнуть своих целей, пока не завершён процесс ликвидации последствий второй мировой войны и пока не заключены и не вошли в силу все мирные договоры. В этой резолюции предлагается четырём державам удвоить свои усилия в духе солидарности и взаимного понимания, чтобы в возможно кратчайший срок притти к окончательному урегулированию последствий войны и к заключению всех мирных договоров.

— Должно быть понятно, — сказал Вышинский, — что без быстрого заключения мирного договора с Германией невозможно выполнение этой резолюции. Должно быть понятно, что скорейшая подготовка и заключение мирного договора с Германией отвечают интересам всех миролюбивых народов. Заключение мирного договора с Германией будет иметь важнейшее значение не только для судеб германского народа, но и для судеб всех других народов Европы и всего мира.

Советская делегация, — заявил в заключение Вышинский, — предлагает закончить на настоящей сессии рассмотрение процедуры подготовки мирного договора. Эта работа в известной степени уже была выполнена на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел.

Мы считаем, — сказал Вышинский, — что на этой сессии необходимо рассмотреть документ № 78, о котором было сказано выше, приложив усилия к тому, чтобы получить в свои руки инструмент подготовки

мирного договора с Германией. Это было бы реальным шагом на пути подготовки мирного договора с Германией, на пути выполнения того долга, который лежит на Совете министров иностранных дел, в силу обязательств, принятых четырьмя державами в соответствии с Потсдамским соглашением.

«Известия» № 136 (9976)
от 11 июня 1949 г.

ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ (12 июня)

— Советские предложения о подготовке мирного договора с Германией, — сказал Вышинский, — встретили здесь возражения. Мотивы возражений, сделанных представителями США, Великобритании и Франции, в общем совпадают, и это облегчает мою задачу.

Вышинский отметил, что, возражая против советских предложений, представители западных держав утверждают, что эти предложения «нерезонансные», так как к подготовке мирного договора можно якобы приступить лишь после того, как будет разрешён ряд других важных вопросов. Поскольку же эти вопросы остаются нерешёнными, обсуждение вопроса о подготовке мирного договора, как выразился Ачесон, совершенно не нужно и ни к чему не привело бы. Это — лейтмотив всех трёх делегаций.

— Г-н Ачесон заявил даже, что не следует обсуждать вещи, «которые кажутся совершенно абсурдными для всех, кроме нас самих», — сказал Вышинский, — советские предложения Ачесон назвал «дипломатическим менуэтом», а рассмотрение проекта процедуры подготовки мирного договора квалифицировал как «совершенно преступную потерю времени». Самое большее, на что готов пойти г-н Ачесон, — это предоставить заместителям «преступно терять время на рассмотрение проекта процедуры подготовки мирного договора» — проекта, который, кстати сказать, был предметом тщательного обсуждения на Московской и Лондонской сессиях Совета министров иностранных дел в 1947 году и который в значительной степени уже согласован.

Вышинский напомнил далее, что Шуман, присоединившийся к возражениям Ачесона, говорил, что составлению мирного договора препятствует то обстоятельство, что Германия «сама ещё внутренне не организована и находится в состоянии беспорядка и раскола». Предложение Советского Союза о подготовке мирного договора с Германией Шуман расценил даже как какую-то «маскировку», как отказ от разрешения других задач, стоящих перед Советом министров иностранных дел.

— Г-н Шуман, как и министры США и Великобритании, старался доказать, что подготовку мирного договора с Германией надо отложить до тех пор, пока не будут разрешены такие задачи, как достижение экономического и политического единства Германии, и другие важные проблемы. Такая постановка вопроса, на наш взгляд, не выдерживает

критики; работа над решением и тех и других задач всегда может быть организована одновременно. Для этого нужно лишь, чтобы было желание работать и в том и в другом направлении, не создавая искусственно заколдованного круга, из которого нет выхода. Но именно такой заколдованный круг и создаётся, когда, с одной стороны, требуют сначала решить задачу восстановления единства Германии и лишь потом заняться подготовкой проекта мирного договора, а с другой — не только не принимают никаких мер к обеспечению единства Германии, но, наоборот, все усилия направляют на закрепление раскола Германии.

Если обратиться к истории последних двух лет, то можно найти немало фактов, свидетельствующих, что три западные державы направили свои усилия к тому, чтобы не допустить восстановления единой миролюбивой демократической Германии. Да и настоящая сессия дала немало доказательств стремления этих держав во что бы то ни стало закрепить раскол Германии.

Вышинский напомнил, что советская делегация предложила создать на основе существующих в настоящее время в восточной и в западных зонах немецких экономических органов Общегерманский Государственный Совет в качестве экономического и административного центра Германии с правительственными функциями; в ведении Общегерманского Государственного Совета находились бы вопросы экономического и государственного строительства, имеющие значение для всей Германии в целом. «Задача, кажется, вполне посильная для Совета министров, — заметил Вышинский, — поскольку при её решении советская делегация предлагала исходить из существующего положения в восточной и западных зонах Германии. Тем не менее это предложение было отклонено западными державами».

Делегация СССР предложила восстановить деятельность Контрольного совета в Германии на прежней основе, соответствующей принципам международного сотрудничества и международным соглашениям. Это предложение также было отклонено тремя державами.

Советская делегация предложила далее восстановить Межсоюзную комендатуру Берлина для координации общегородских мероприятий по управлению Берлином и для обеспечения нормальной жизни Берлина в целом. Она предлагала, чтобы Межсоюзная комендатура в Берлине работала на основе её устава, утверждённого четырьмя державами в 1946 году. Это предложение также было отклонено делегациями США, Англии и Франции.

Советская делегация предложила восстановить общегерманский магистрат на основе свободных выборов и провести эти выборы в соответствии с избирательным законом, утверждённым четырьмя державами в 1946 году, и временной конституцией Большого Берлина, одобренной в том же году представителями четырёх держав; при этом делегация СССР предлагала внести в указанную конституцию некоторые изменения по соглашению между четырьмя державами. И эти предложения не были приняты делегациями трёх держав.

— Отклоняя одно за другим все советские предложения, — продолжал Вышинский, — западные державы в каждом случае находили отговорки, выдвигали всяческие мотивы. Однако ничего убедительного мы здесь от них не слышали, тем более, что некоторые из министров сочли

для себя более удобным говорить не о мирном договоре, а о сказках Андерсена, об изречениях какого-то американского провинциального судьи, некоего оракула из Голливуда.

Далее Вышинский коснулся второй категории возражений, выдвигаемых представителями западных держав. «Нам говорили здесь, — сказал он, — что неизвестно, с какой Германией предлагается заключить мирный договор, какова будет «географическая величина» Германии, для которой предлагают подготовить мирный договор. Г-н Ачесон сказал, что до тех пор, пока эти вопросы не будут решены, приступить к подготовке мирного договора невозможно. Однако все эти вопросы стояли перед нами и раньше, тем не менее Совет министров иностранных дел вёл работу по подготовке мирного договора.

Так действовал, по крайней мере, Совет министров иностранных дел на Московской и Лондонской сессиях.

Но сейчас противники подготовки мирного договора с Германией не находят ничего лучшего, как назвать всю работу, проделанную на предыдущих сессиях, «трагикомедией»; именно к этому выражению прибег г-н Бевин, жаловавшийся здесь на то, что ему несколько недель пришлось просидеть в Москве, а затем в Лондоне, занимаясь этим делом.

Г-н Бевин на прошлом заседании зачитал здесь несколько страниц из протокола заседания Совета министров иностранных дел от 15 декабря 1947 года. Это было заявление, с которым он выступил в тот самый день, когда американская и британская делегации решили покончить с сессией Совета министров иностранных дел. В этом заявлении г-н Бевин говорил: «Мы желаем единства Германии». А что последовало затем? Затем представитель Великобритании вместе с представителями США и Франции стал ещё энергичнее действовать в направлении раскола Германии.

Г-н Бевин напомнил также, что 15 декабря 1947 года он сказал: «Мы желаем демократической Германии». А что было на деле? На деле появилась на белый свет «боннская конституция» и ряд вашингтонских соглашений — таких, как оккупационный статут и соглашение о трёхстороннем контроле, которые, как здесь уже говорилось, находятся в полном противоречии с демократическими принципами и с задачей восстановления единства Германии.

Г-н Бевин прочитал из протокола заседания от 15 декабря 1947 года и то место, где он говорил: «Мы не желаем кукольного правительства, которое сможет действовать только тогда, когда кто-нибудь из оккупирующих держав дёргает за верёвочку». Но вслед за тем западные державы, как известно, приняли меры к тому, чтобы создать в западных зонах Германии именно такое правительство.

Г-н Бевин, наконец, прочитал и то место из протокола заседания от 15 декабря 1947 года, где он сказал: «Мы желаем справедливого мирного договора с Германией». Но сейчас британская делегация начисто отказывается от подготовки мирного договора, стараясь доказать, что сейчас такая задача совсем невыполнима.

Таковы факты. Упрямые, убедительные факты!

Я должен, однако, сказать, — заметил Вышинский, — что г-н Бевин, если я его правильно понял, заявил, что он готов рассмотреть предложения, внесённые советской делегацией, с тем, чтобы представить их

правительству Великобритании, обсудить и вернуться к ним в дипломатическом порядке. Если это так, то мы можем ожидать, что, несмотря на критику, которой г-н Бевин подверг предложения Советского Союза, он поддержит предложения советской делегации, внесённые на этой сессии.

Касааясь замечаний Шумана, Вышинский сказал:

— Возражая против предложения СССР о выводе оккупационных войск из Германии через год после подписания мирного договора, г-н Шуман указал, будто советская делегация предлагает предреши́ть этот вопрос без того, чтобы запросить мнение стран, пострадавших от германской агрессии. Продолжая эту мысль, г-н Шуман заявил, что «мы не имеем права предреши́ть этот существенный вопрос без консультации с другими странами, до того, как эта процедура подготовки мирного договора будет применяться на практике». Но надо сказать, что в предложениях советской делегации ничего подобного не говорится и не предлагается. Наоборот, наши предложения предполагают консультацию с другими странами, пострадавшими от германской агрессии. Об этом прямо говорится в той самой процедуре подготовки мирного договора с Германией, разработку которой советская делегация предлагает закончить на данной сессии. Таким образом, и эта стрела летит мимо цели.

Далее Вышинский напомнил о том, что Ачесон, касаясь советского предложения о выводе всех оккупационных войск из Германии через год после подписания мирного договора, предложил иной метод, как он заявил, разрешения оккупационного вопроса. Ачесон заявил, что западные державы довольствуются наличием в своих зонах 270 тысяч солдат, тогда как СССР якобы находит нужным иметь в своей зоне 340 тысяч солдат. Ачесон предложил при этом, чтобы Советский Союз предпринял «известные односторонние шаги в этом отношении».

— Заявление г-на Ачесона не соответствует действительности, — сказал Вышинский, — так как в самом деле численность советских вооружённых сил в Германии не превышает 200 тысяч человек. Преувеличивая численность советских войск, г-н Ачесон явно преуменьшает численность оккупационных войск в западных зонах оккупации Германии; в действительности, в западных зонах оккупации Германии находится не 270 тысяч солдат и офицеров, а свыше 400 тысяч. Таким образом, попытка г-на Ачесона отвлечь внимание Совета министров иностранных дел от предложения Советского Союза о выводе оккупационных войск из Германии через известный, небольшой срок после заключения мирного договора является неудачной.

Возражая против предложения советского правительства приступить к подготовке мирного договора с Германией, с тем, чтобы в мирный договор был включён пункт о выводе оккупационных войск в годичный срок после того, как договор будет заключён, г-н Ачесон позавчера воскликнул: «Что значат слова «после заключения мирного договора»? Может быть, это будет через 50 лет». Очевидно, это восклицание определяет действительные позиции делегации США в отношении заключения мирного договора с Германией.

Не желая, видимо, заключать мирный договор с Германией, по крайней мере в течение ещё длительного срока, западные державы создали, как известно, свой оккупационный статут. Теперь они приводят всякие

доводы в пользу того, чтобы отклонить ясные, точные и действительно направленные на служение делу мира предложения Советского Союза — предложения о том, чтобы правительства четырёх держав в трёхмесячный срок представили в Совет министров иностранных дел проекты мирного договора с Германией, чтобы в этих проектах был предусмотрен вывод оккупационных войск всех держав из Германии в годичный срок после заключения мирного договора и чтобы на этой сессии было закончено рассмотрение процедуры подготовки мирного договора.

— Ни для кого не секрет, — сказал Вышинский, — что возражения против этих предложений, высказанные здесь позавчера, носят искусственный характер и в действительности отражают нежелание сделать реальный шаг по пути подготовки германского мирного договора.

Что касается процедуры подготовки мирного договора, то делегация СССР предлагала обсудить проект подготовки этой процедуры в самом Совете министров иностранных дел параграф за параграфом. Но г-н Ачесон и г-н Шуман предложили передать этот вопрос на рассмотрение заместителей с тем, чтобы они в трёхдневный срок представили Совету министров свои заключения и предложения. Советская делегация не возражает против этого предложения. Со своей стороны советская делегация назначает своим представителем в эту комиссию делегата А. А. Смирнова. Она ожидает, что другие делегации также назначат в эту комиссию своих представителей и что через три дня мы сумеем заслушать, как предложил г-н Ачесон, доклад заместителей по вопросу о процедуре подготовки мирного договора.

ВТОРОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

Отвечая на заявление Бевина, Вышинский указал на то, что Бевин согласен лишь «посоветовать» своему правительству «проследить изучение проблемы», но вопрос заключается не в том, чтобы вести какое-либо абстрактное изучение. Мы предложили, чтобы каждое правительство подготовило в определённый срок проект мирного договора с Германией. Приемлемо это предложение или нет? Сегодня г-н Бевин твёрдо заявил, что для британской делегации оно неприемлемо.

Второй вопрос — о выводе оккупационных войск. Делегация СССР предложила указать в проекте мирного договора, что оккупационные войска всех держав будут выведены из Германии по истечении годичного срока после заключения договора. Возражая против этого предложения, представители западных держав говорят, что прежде, чем записывать соответствующее положение в проект мирного договора с Германией, необходимо знать, с какой Германией будет заключён договор, какая власть будет установлена в Германии, каков будет географический объём Германии и т. д.

Но ведь когда договор будет заключён, то будет совершенно ясно, с кем он будет заключён, с какой Германией. Тогда всё будет совершенно ясно, поэтому не надо подменять один вопрос другим. Мы говорим — давайте установим, что мы предпримем тогда, когда договор будет подписан; нам же говорят — для того, чтобы подписать договор, надо иметь ответы на ряд вопросов. Это само собой разумеется. Но, во всяком

случае, в мирном договоре должен быть дан ясный ответ на вопрос о том, сколько же времени будут оставаться в Германии оккупационные войска?

Советская делегация спрашивает, согласны ли другие делегации с тем, чтобы эти войска ушли из Германии не позже чем через год после того, как договор будет подписан. На этот вопрос даётся отрицательный ответ; другие делегации считают, что в проекте мирного договора сроки пребывания оккупационных войск в Германии вообще не должны быть оговорены. В оккупационном статуте также не указан такой срок. Повидимому, американская, английская и французская делегации добиваются того, чтобы оккупация Германии продолжалась в течение длительного периода, и недвусмысленно предупреждают против «необоснованных надежд» на короткий срок. Не случайно же г-н Ачесон намекнул на то, что мирный договор может быть подписан через 50 лет! Что же касается делегации СССР, то она предлагает ускорить подготовку мирного договора и, в частности, представить проекты мирного договора в трёхмесячный срок, считая этот срок вполне реальным.

Касаясь заявления Бевина о том, что проект процедуры подготовки мирного договора с Германией, в значительной мере согласованный в 1947 году между четырьмя державами, «устарел», Вышинский сказал:

— Советская делегация хотела бы знать, что именно г-н Бевин имеет в виду, нельзя ли узнать, в чём именно устарел этот документ; если дело идёт о каких-либо новых принципах, на которых должен быть построен этот документ, то хорошо было бы узнать об этих принципах. Делегация СССР считает, наоборот, что проект процедуры подготовки мирного договора в своих основных чертах является вполне подходящим документом. Ссылки на то, что теперь имеются две Германии, неубедительны, так как порядок работы по подготовке мирного договора не зависит от того, имеются ли в данное время «две Германии» или одна, ибо всё-таки имеется один Совет министров иностранных дел, который должен выработать проект мирного договора.

Г-н Бевин говорит, что трёх дней недостаточно для того, чтобы заместители согласовали проект процедуры подготовки мирного договора. Конечно, три дня — срок небольшой. Но что же предлагает г-н Бевин? Он предлагает, чтобы заместители подготовили доклад к утру во вторник. Оказывается, трёх дней мало, а одного дня достаточно. Как же можно с таким предложением согласиться? Разве можно расценивать такое предложение иначе, чем как попытку уйти от действительного обсуждения вопроса?

Анализируя проект процедуры подготовки мирного договора, Вышинский показал, что в основе его лежат справедливые принципы, согласованные в своё время четырьмя державами. Этот проект предусматривает, в частности, что германский мирный договор должен быть подготовлен Советом министров иностранных дел, состоящим из тех членов совета, которые подписали акт о военной капитуляции Германии. Он предусматривает, что Совет министров должен консультироваться с союзными соседними с Германией государствами и другими государствами, которые участвовали своими вооружёнными силами в общей борьбе против гитлеровской Германии. Проект предлагает далее, чтобы для изучения вопросов, относящихся к германскому мирному договору,

были созданы постоянные комитеты, в работе которых должны принять участие союзные державы в том порядке, какой предусмотрен проектом процедуры. Далее предлагается создать информационно-консультативное совещание, в деятельности которого будет участвовать ещё более широкий круг государств. Наконец, предусматривается созыв мирной конференции.

— Разве это плохие принципы? Разве нужно что-либо менять в этих принципах? — спрашивал Вышинский. — Конечно, у нас имеется ещё ряд разногласий по проекту процедуры. Но для того, чтобы попытаться эти разногласия устранить, мы и предлагаем рассмотреть проект процедуры по пунктам. Можно было бы поручить эту работу заместителям, которые за три, может быть, даже за четыре дня выполнили бы её, а затем представили бы доклад Совету министров иностранных дел.

«Известия» № 138 (9978)
от 14 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

12 июня состоялось пленарное заседание Совета министров иностранных дел. Председательствовал Бевин. Министры обсуждали третий пункт повестки дня: «Подготовка мирного договора с Германией». Заседание длилось четыре с половиной часа.

Затем министры провели заседание в узком составе.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 12 июня.

«Правда» № 164 (11271)
от 13 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

15 июня представителям прессы было передано следующее коммюнике, согласованное четырьмя министрами иностранных дел:

«КОММЮНИКЕ»

Четыре министра на частных заседаниях, имевших место в течение последних нескольких дней, рассматривали вопрос об австрийском договоре и *modus vivendi* (способе сосуществования) в отношении положения в Германии. Делегациями были внесены различные предложения, изучение которых вызвало необходимость отложить заседание, назначенное на сегодня, 15 июня.

Следующее заседание четырёх министров будет иметь место 16 июня в 3 часа 30 минут пополудни. Заседание будет закрытое.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 15 июня.

«Известия» № 140 (9980)
от 16 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

КОММЮНИКЕ

16 июня состоялось закрытое совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам, обсуждавшимся в предыдущем заседании в отношении Германии и Австрии.

Следующее закрытое совещание четырёх министров будет иметь место 19 июня.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 16 июня.

«Известия» № 141 (9981)
от 17 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

19 июня состоялось закрытое совещание министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции по вопросам, обсуждавшимся в предыдущих заседаниях в отношении Германии и Австрии. Завтра состоится пленарное заседание Совета министров иностранных дел.

(Спец. корр. ТАСС)

Париж, 19 июня.

«Известия» № 144 (9984)
от 21 июня 1949 г.

НА ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

20 июня состоялось закрытое заседание Совета министров иностранных дел, затем под председательством Бевина открылось пленарное заседание.

Вначале министры утвердили протоколы заседаний Парижской сессии. В связи с утверждением протоколов А. Я. Вышинский напомнил, что 23 мая советская делегация поставила вопрос: нет ли возможности договориться о том, когда Совет министров иностранных дел соберётся с участием Китая для обсуждения вопроса о мирном договоре с Японией?

О МИРНОМ ДОГОВОРЕ С ЯПОНИЕЙ

— Насколько я могу судить по нашим протоколам, — сказал Вышинский, — не все министры высказались тогда по этому вопросу. В частности, г-н Бевин сказал, что ему необходимо посоветоваться с правительством его величества. Таким образом, вопрос остался открытым.

Вышинский напомнил далее, что Ачесон на заседании 23 мая сказал, что необходимо приобрести опыт рассмотрения подобных проблем и что рассмотрение вопроса, поставленного делегацией СССР, будет зависеть от благополучного разрешения тех вопросов, которые стоят в повестке дня данной сессии.

— Я должен констатировать, — заметил в связи с этим Вышинский, — что, несмотря на то, что нам не удалось достигнуть соглашения по основным вопросам о восстановлении экономического и политического единства Германии и о мирном договоре с Германией, ряд вопросов был решён. Следовательно, условия, о которых говорил г-н Ачесон, налицо; таким образом, теперь можно ответить на вопрос, поставленный делегацией СССР. Я ещё раз напоминаю, что речь идёт о том, когда Совет министров иностранных дел соберётся для обсуждения вопроса о мирном договоре с Японией.

Отвечая на вопрос, поставленный Вышинским, Бевин сказал, что английское правительство в настоящее время не может указать «какое-либо число, когда Совет министров иностранных дел мог бы собраться для обсуждения вопроса о мирном договоре с Японией».

Взявший вслед за тем слово Ачесон сказал, что он хотел бы изложить точку зрения правительства США не только в отношении срока созыва сессии Совета министров иностранных дел по вопросу о мирном договоре с Японией. Он заявил, что правительство США не считает, что Совет министров иностранных дел является «подходящей организацией для подготовки мирного договора с Японией».

Вступая в противоречие с фактами, Ачесон утверждал, что «в Потсдамском соглашении нет ничего, что обязывало бы использовать Совет министров иностранных дел для этой цели». Он сказал, что правительство США продолжает считать, что подготовка мирного договора с Японией должна быть возложена на конференцию, состоящую из государств — членов Дальневосточной комиссии.

Шуман заявил, что Франция ещё два года тому назад согласилась с этим мнением Соединённых Штатов и что её позиция остаётся без изменений. Бевин ещё раз повторил, что британское правительство не в состоянии сегодня обсуждать вопрос о дате созыва Совета министров иностранных дел по вопросу о мирном договоре с Японией.

Касаясь замечаний, высказанных представителями западных держав, А. Я. Вышинский сказал:

— Г-н Бевин прав, — я поставил именно вопрос о дате. Но г-н Ачесон расширил этот вопрос и говорил уже не только о дате. Он затронул принципиальный вопрос о том, является ли Совет министров иностранных дел «подходящей организацией» для рассмотрения вопроса о мирном договоре с Японией. Поэтому я должен коснуться именно этого вопроса.

Вышинский напомнил, что в Потсдамских соглашениях прямо говорится, что «конференция достигла соглашения об учреждении Совета министров иностранных дел, представляющих пять главных держав, для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию и для обсуждения других вопросов, которые по соглашению между участвующими в совете правительствами могут время от времени передаваться совету».

— Здесь нет никаких ограничений, — подчеркнул Вышинский. — Здесь не сказано, что мирное урегулирование будет касаться только Германии или Италии и что оно не будет касаться Японии. И это вполне понятно. Разве Япония лишена прав, принадлежащих остальным государствам, хотя бы и побеждённым? Нет. И когда четыре державы учреждали Совет министров иностранных дел, они определили его цели так, как сказано в Потсдамском соглашении, — для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию. Разве этого недостаточно? Разве из сказанного не вытекает, что Совет министров иностранных дел должен осуществить подготовку и мирного договора с Японией? Ведь эта страна также ждёт мирного урегулирования. Поэтому мне непонятно утверждение г-на Ачесона, будто бы Совет министров иностранных дел — «неподходящая организация» для подготовки мирного урегулирования с Японией.

Далее Вышинский сослался на тот пункт Потсдамских соглашений, в котором сказано: «Для разрешения каждой из этих задач (т. е. задач мирного урегулирования) совет будет состоять из членов, представляющих те государства, которые подписали условия капитуляции, продиктованные тому вражескому государству, которого касается данная задача».

— Японии были продиктованы условия капитуляции, — сказал Вышинский. — Какие же государства продиктовали эту капитуляцию? В числе других — Китай. Кого же касается данная задача согласно этому пункту?

Естественно, что она должна касаться не только США, Великобритании, Франции и СССР, продиктовавших эти условия, но и Китая, который также продиктовал Японии условия капитуляции. Это совершенно ясно. Китай имеет полное право участвовать в Совете министров иностранных дел при подготовке мирного урегулирования с Японией. На это могут нам сказать — Китай может участвовать в этой работе как член Дальневосточной комиссии. На это я могу ответить: Потсдамские соглашения предусматривают участие Китая не в Дальневосточной комиссии, а в Совете министров иностранных дел.

Далее Вышинский остановился на вопросе о том, в какой форме смогут принять участие в подготовке мирного договора с Японией другие государства, входящие в Дальневосточную комиссию. Он дал анализ пунктов 3 и 4 Потсдамских соглашений, в которых содержится ответ и на этот вопрос. Далее Вышинский напомнил об опыте подготовки мирных договоров с Италией, Румынией, Венгрией, Болгарией и Финляндией.

— Мы предлагаем, — сказал Вышинский, — следовать этому порядку, соответствующему Потсдамским решениям, и не заводить иного порядка, отличающегося от того, который был предусмотрен Потсдамскими соглашениями, и противоречащего им.

* * *

Хотя А. Я. Вышинский с исчерпывающей полнотой показал, что Совет министров иностранных дел является единственным законным органом, призванным подготовить мирный договор с Японией, Ачесон

продолжал отрицать этот очевидный факт. Взяв слово вторично, он сказал, что «о японском мирном договоре ничего не сказано в Потсдамских соглашениях». Тут же он заявил, что «в то время, когда было подписано Потсдамское соглашение, Советский Союз даже не состоял в войне с Японией». Напомнив, что правительство США ещё в 1947 году высказалось за то, чтобы проект мирного договора с Японией был подготовлен не Советом министров иностранных дел, а Дальневосточной комиссией, Ачесон сказал: «Если бы Советский Союз принял тогда это предложение, мы теперь довольно далеко продвинулись бы вперёд с подготовкой этого мирного договора».

Отвечая Ачесону, Вышинский привёл ряд фактов, доказывающих полную несостоятельность доводов представителя США.

Касаясь роли, которую СССР сыграл на Дальневосточном фронте, Вышинский отметил, что она всем хорошо известна и что всякие попытки умалить её не могут не закончиться полным провалом.

— Во всяком случае, — продолжал Вышинский, — вопрос о том, должен ли Китай участвовать в работе Совета министров иностранных дел при выработке мирного договора с Японией, не может оспариваться. Китай участвовал в войне против Японии в тот период, когда вырабатывалось Потсдамское соглашение.

По поводу замечания Ачесона, что подготовка мирного договора с Японией продвинулась бы вперёд, если бы СССР не отказался принять предложение США о том, чтобы эта подготовка велась в рамках Дальневосточной комиссии, Вышинский сказал:

— Подготовку мирного договора с Японией задерживают Соединённые Штаты, а не Советский Союз. Соединённые Штаты не хотят применить процедуру, принятую ими в Потсдаме. США подписали это соглашение, в котором говорится, что Совет министров иностранных дел учреждается для продолжения необходимой подготовительной работы по мирному урегулированию, причём не было сделано оговорки о том, что подготовка мирного договора с Японией исключается из компетенции совета. Следовательно, Совет министров иностранных дел должен подготовить мирное урегулирование и для Японии. Иначе толковать Потсдамские соглашения — значило бы очень вольно обращаться с фактами.

Не оспаривая доводов министра иностранных дел СССР, представители западных держав остались на своей позиции. Никакого решения по вопросу о том, когда Совет министров иностранных дел должен собраться с участием Китая для подготовки мирного договора с Японией, принято не было.

УТВЕРЖДЕНИЕ КОММЮНИКЕ ОБ ИТОГАХ ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ¹

Далее министры иностранных дел утвердили коммюнике об итогах Парижской сессии. При этом Ачесон, отметив, что министры согласовали главные вопросы, мешавшие до сих пор завершить подготовку австрийского договора, сказал:

— Некоторые вопросы, подлежащие обсуждению экспертов, как, например, вопросы о вывозе прибылей, о процедуре урегулирования

¹ См. стр. 111 — 114.

споров, могущих возникнуть при применении положений статьи о германских активах в Австрии, передаются нашим заместителям. Но, поскольку главные разногласия устранены, мы можем теперь с надеждой ожидать получения благоприятного доклада от наших заместителей к 1 сентября этого года.

В связи с этим Вышинский заявил:

— Как отметил г-н Ачесон, некоторые вопросы, в частности вопрос о вывозе прибылей, остались неурегулированными. Однако советская делегация понимает данный вопрос так, что право Советского Союза на вывоз прибылей в виде продукции или свободно конвертируемой валюты признаётся в принципе всеми делегациями.

Ачесон подтвердил толкование, данное Вышинским.

* * *

Перед тем как закрыть сессию, председательствующий Бевин выразил благодарность президенту Французской республики, французскому правительству, министру иностранных дел Франции г-ну Шуману и всем сотрудникам генерального секретариата за удобства, предоставленные делегациям, и за помощь в работе.

Вышинский и Ачесон также выразили французскому правительству признательность за гостеприимство. Шуман от имени французского правительства поблагодарил своих коллег за выражение этой признательности.

— Я убеждён, — сказал он, — что президент и правительство будут глубоко тронуты этими словами. Весь французский народ был счастлив принять конференцию в Париже. Он возлагал на неё много надежд. Конференция завершилась успехом, который был обеспечен благодаря духу общего взаимопонимания.

На этом Парижская сессия Совета министров иностранных дел закончила свою работу.

Париж, 20 июня.

«Известия» № 144 (9984)
от 21 июня 1949 г.

ИНТЕРВЬЮ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР А. Я. ВЫШИНСКОГО С КОРРЕСПОНДЕНТАМИ ГАЗЕТ «ПРАВДА» И «ИЗВЕСТИЯ»

ОБ ИТОГАХ ПАРИЖСКОЙ СЕССИИ СОВЕТА МИНИСТРОВ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

В связи с обращением корреспондентов газет «Правда» и «Известия» к министру иностранных дел СССР т. А. Я. Вышинскому с просьбой высказаться по поводу недавно закончившейся в Париже сессии Совета министров иностранных дел, т. Вышинский сделал следующее сообщение:

— Происходившая в Париже в мае — июне сессия Совета министров иностранных дел собралась после перерыва, длившегося почти полтора года.

Как известно, Парижская сессия Совета министров иностранных дел была посвящена двум вопросам — о Германии и о договоре с Австрией, причём германский вопрос Совет министров рассматривал уже третий раз. Две предыдущие сессии Совета министров в 1947 году, на которых рассматривался германский вопрос, закончились безрезультатно, поскольку США, Великобритания и Франция не проявили стремления к решению германской проблемы и к подготовке мирного договора с Германией.

Следует напомнить, что ещё в 1946 году правительства США и Великобритании взяли курс на раскол Германии, отбросив в сторону обязательства, принятые ими на себя в Потсдаме. В соответствии с этим курсом они всячески оттягивали решение германской проблемы, стараясь использовать создавшуюся в связи с этим неопределённость. Уже тогда правительства США, Великобритании и Франции добивались того, чтобы прибрать западную часть Германии к своим рукам и использовать её в антидемократических и империалистических целях. Такая позиция находилась в грубом противоречии с Потсдамским соглашением, предусматривавшим необходимость демилитаризации и демократизации Германии.

Следуя этому антипотсдамскому курсу, правительства США, Великобритании и Франции провели в течение последних трёх лет ряд мероприятий, направленных на закрепление раскола Германии и превращение западных зон Германии в орудие осуществления своих экспансионистских планов.

Такие мероприятия, как сепаратная денежная реформа в западных зонах Германии; ликвидация Межсоюзной комендатуры в Берлине, действовавшей в составе комендантов восточного и западных секторов; прекращение деятельности общеберлинского магистрата; приостановление работы Контрольного совета в составе главнокомандующих четырёх зон, действовавшего на основе международных соглашений, заключённых между СССР, США, Англией и Францией; навязанный Западной Германии оккупационный статут, цель которого заключается в продлении режима оккупации на долгие годы; создание антидемократической так называемой «боннской конституции», подготовленной за спиной германского народа, с тем, чтобы навязать германскому народу федералистское устройство; наконец, попытки включить западные зоны Германии в сферу действия «плана Маршалла», чтобы облегчить подчинение экономики западных зон Германии англо-американскому монополистическому капиталу, — все эти мероприятия достаточно красноречиво говорят о том, как далеко зашли правительства США, Англии и Франции в нарушении обязательств по вопросу о Германии, принятых ими на себя по Потсдамскому соглашению.

Таков курс, проводимый вот уже в течение нескольких лет правительствами США, Великобритании и Франции в германском вопросе. Не следует забывать, что германский вопрос имеет важное значение не только для Германии, но и для всех народов, стремящихся к установлению прочного мира. Такой курс, как это было очевидно с самого начала,

был обречён на провал, так как он находится в противоречии с историческим развитием Германии и встречает осуждение со стороны всей демократической Европы и демократических кругов всего мира.

Тем не менее правительства США, Великобритании и Франции, как это со всей ясностью обнаружилось в процессе работы Совета министров в Париже, не оставляли надежды на то, чтобы повести сессию по пути своего так называемого «твёрдого» курса и попытаться добиться успеха на этом пути. Именно такой смысл имел меморандум, внесённый гг. Ачесоном, Бевином и Шуманом в ответ на предложения советской делегации в Париже по вопросу о единстве Германии. Именно указанную выше цель — получить одобрение Совета министров иностранных дел своим отдельным мероприятиям в отношении Германии, легализовать, так сказать, свою раскольническую деятельность и навязать свой антидемократический план решения германской проблемы — преследовали три западных правительства, внося свой меморандум по первому пункту повестки дня — «о единстве Германии».

Три западных правительства не придумали в этом случае ничего лучшего, как предложить, чтобы восточная зона Германии попросту присоединилась к так называемой «боннской конституции», приняла оккупационный статут и подчинилась диктату трёх западных правительств, полностью развязывающих себе руки в решении любых вопросов, касающихся Германии.

Несмотря на обилие цветистых фраз, на которые не скупилась на Парижской сессии министры иностранных дел США, Англии и Франции, декларируя о предоставлении немцам «широкого права голоса при ведении собственных дел», как об этом заявил на пресс-конференции 23 июня г-н Ачесон, меморандум трёх западных делегаций предусматривал введение в действие бессрочного оккупационного статута, со всеми вытекающими из этого факта последствиями, предназначенного, как известно, для того, чтобы оттянуть заключение мирного договора с Германией и, вопреки интересам германского народа, подольше сохранить в Германии режим военной оккупации.

Эту программу представители трёх правительств хотели провести на Парижской сессии. Однако это им не удалось ввиду твёрдой позиции, занятой советской делегацией.

Таким образом, попытка трёх западных делегаций противопоставить предложения, изложенные в меморандуме, предложениям советской делегации потерпела неудачу. Министры иностранных дел США, Англии и Франции оказались вынужденными искать другого выхода из создавшегося положения, другого решения германского вопроса.

Необходимость искать другого выхода не была, конечно, неожиданностью для США, Великобритании и Франции, так как им самим была уже очевидна неудача, постигшая курс англо-франко-американской политики в отношении Германии. Не случайным поэтому было появление новых предложений трёх западных делегаций по германскому вопросу. В этих предложениях уже не только не было никакого намёка на то, что проводившаяся до сих пор правительствами США, Великобритании и Франции политика в отношении Германии была правильна, а, наоборот, прямо заявлялось о необходимости приложить усилия к восстановлению экономического и политического единства Германии с тем, чтобы до-

биться на следующей сессии СМИД того результата, которого не удалось в этом отношении добиться на этой сессии. Это, конечно, никак нельзя назвать подтверждением правильности американской политики в отношении Германии, как это силится теперь доказать официальные представители правительства США в своих последних выступлениях, посвящённых итогам Парижской сессии Совета министров иностранных дел.

В действительности, достигнутая на Парижской сессии Совета министров договорённость по германскому вопросу серьёзно расходится с первоначальными англо-франко-американскими предложениями и планами. Если внимательно вчитаться в коммюнике Совета министров иностранных дел, то нетрудно будет увидеть в коммюнике, принятом четырьмя министрами, основные идеи предложений, которые были внесены советской делегацией в Совет министров в первые же дни его работы.

В самом деле, какова была позиция Советского Союза в германском вопросе в Совете министров в Париже? С какими предложениями выступала советская делегация, какие принципы решения германской проблемы она отстаивала?

Кратко говоря, позиция советской делегации сводилась к тому, чтобы ускорить урегулирование германской проблемы с целью восстановления единства Германии как миролюбивого и демократического государства, а также подготовку и заключение мирного договора с Германией на основе потсдамских принципов, являющегося одним из важнейших условий обеспечения международного сотрудничества и безопасности народов.

Советский Союз твёрдо стоял и стоит за точное и последовательное соблюдение Потсдамского соглашения, отстаивая восстановление экономического и политического единства Германии, создание единого, миролюбивого демократического германского государства, возвращение Германии прав свободной и равноправной миролюбивой нации.

В этом и заключалась позиция Советского Союза на Парижской сессии Совета министров иностранных дел. Этим определялись и те предложения, которые были внесены на этой сессии советской делегацией, а именно:

1) о безотлагательной подготовке мирного договора с Германией с тем, чтобы в проекте договора был предусмотрен вывод из Германии оккупационных войск по истечении одного года после заключения договора;

2) о восстановлении деятельности Контрольного совета в Германии на прежней основе, как органа, призванного осуществлять верховную власть в Германии;

3) о восстановлении Межсоюзной комендатуры Берлина для координации общегородских мероприятий по управлению Берлином и для обеспечения нормальной жизни Берлина в целом;

4) о создании на основе существующих в настоящее время в восточной и западных зонах немецких экономических органов Общегерманского Государственного Совета в качестве экономического и административного центра Германии, с правительственными функциями в области экономического и государственного строительства, при сохранении верховной власти Контрольного совета;

5) о восстановлении общегерманского магистрата, переставшего функционировать в 1947 году вследствие сепаратных действий западных оккупационных властей;

6) об установлении единой валюты для Берлина, исходя из согласованных между четырьмя державами положений о том, что в соответствии с достигнутой 30 августа 1948 года договорённостью между СССР, США, Англией и Францией немецкая марка советской зоны будет введена в качестве единой валюты для Берлина, а западная марка будет изъята из обращения в Берлине.

Однако все эти предложения советской делегации встретили упорное сопротивление министров иностранных дел США, Великобритании и Франции. Даже предложение о завершении работы по подготовке процедуры составления мирного договора не было принято под тем предлогом, что имевшийся уже проект процедуры устарел и требует якобы коренной переделки. Однако никто из министров и, в первую очередь, американский министр иностранных дел Ачесон, который больше всего возражал против обсуждения на данной сессии вопроса о мирном договоре с Германией, не могли сказать, что именно нужно изменить в упомянутом проекте процедуры.

Из сказанного ясно, что в германском вопросе Советский Союз на Парижской сессии СМВД последовательно придерживался своей принципиальной позиции, полностью соответствующей Потсдамскому соглашению, отклоняя всякие попытки отойти от принципов потсдамских решений в германском вопросе.

В результате трём западным делегациям пришлось изменить курс. Они вынуждены были подумать о другой основе для урегулирования некоторых вопросов, касающихся Германии, чем указанный выше меморандум. Такой основой и явились, в конце концов, советские предложения.

Как бы ни старались три западных правительства отрицать это, но остаётся фактом то, что согласованное между четырьмя министрами коммюнике построено в духе советских предложений!

Разре это не подтверждается пунктом вторым коммюнике, в котором говорится, что «оккупационные власти, в свете намерений министров продолжать свои усилия в целях достижения восстановления экономического и политического единства Германии, будут консультироваться совместно в Берлине на четырёхсторонней основе»? Разве не об этом говорят также и другие пункты коммюнике, предусматривающие такие мероприятия, как четырёхсторонние консультации по управлению Берлином, участие в консультациях немецких экспертов, установление между немецкими руководящими органами восточной и западных зон более тесных экономических связей, расширение торговли между восточной и западными зонами, а также между Берлином и зонами и т. д.?

Эти пункты представляют собой явный отход трёх министров от своей прежней позиции, заключавшейся в том, чтобы решать германские вопросы без участия Советского Союза, как об этом правительства США, Англии и Франции договорились между собой в Лондоне в 1948 году и подтвердили это весной 1949 года в Вашингтоне.

Теперь на Парижской сессии Совета министров правительства США, Англии и Франции сочли необходимым согласиться на четырёх-

сторонние консультации по германскому вопросу, вместо трёхсторонних консультаций, которые они стали практиковать в последние два года, грубо нарушая принцип Потсдамского соглашения.

В этой связи нельзя не остановиться на той части заявления г-на Ачесона на пресс-конференции в Вашингтоне от 23 июня об итогах Парижской сессии СМВД, в которой г-н Ачесон утверждал, что якобы усилия США направлены на то, чтобы предоставить немцам «свободу в их собственных делах» и «ослабить контроль оккупационных властей», и что будто бы Советский Союз «не осмеливается поступить таким же образом».

Но это утверждение несерьёзно и лишено основания. В самом деле, если бы было так, как заявил г-н Ачесон, то чем же объяснить, что и он, и его западные коллеги решительно возражали против всех предложений советской делегации, направленных именно на то, чтобы восстановить единство Германии и предоставить немцам «свободу в их собственных делах»? Разве именно министр США и поддерживавшие его министры Англии и Франции не отклонили предложение советской делегации о создании немецкого Общегерманского Государственного Совета на основе экономических немецких органов, действующих в западных и восточной зонах? Разве они не отклонили также другое предложение советской делегации — рекомендовать немецким экономическим органам восточной и западных зон создать координационный экономический орган? Разве министры США, Великобритании и Франции не отказались оказать созданию такого органа и его деятельности необходимое содействие, на чём настаивала советская делегация? Разве они не отклонили также советское предложение восстановить общегерманский магистрат и не отвергли предложение СССР рекомендовать немецким руководящим экономическим органам восточной и западных зон учредить экономические представительства в целях, между прочим, развития торговой и вообще экономической деятельности этих немецких органов? Наконец, разве не делегация США, Великобритании и Франции отвергли предложения Советского Союза о подготовке мирного договора с Германией и об установлении короткого срока для вывода оккупационных войск из Германии? Что же касается вопроса о создании общегерманского демократического правительства, то разве три западных министра не показали на Парижской сессии, насколько им нежелательно образование такого правительства?

Как же в свете всех этих неоспоримых фактов мог г-н Ачесон позволить себе заявить, вопреки очевидности, что США стремятся предоставить немцам «свободу в их собственных делах», а Советский Союз якобы не желает предоставить немцам «свободы в их собственных делах»?

На той же пресс-конференции г-н Ачесон заявил, что в успехах, достигнутых в восстановлении Западной Европы, он предлагает искать объяснение того, что произошло в Париже. Я считаю нужным по этому поводу заявить, что не об успехах, а о неудачах «плана Маршалла» надо было бы говорить, если считаться с фактами, известными всему миру. В самом деле, если «план Маршалла» оказался успешным планом, то чем объяснить, что автор этого плана снят с поста министра иностранных дел США и заменён другим министром? Я думаю, что именно в неудачах «плана Маршалла» следует видеть одну из причин отхода трёх министров

на Парижской сессии от их первоначальной так называемой «твёрдой политики».

Что касается вопроса об австрийском договоре, то на Парижской сессии удалось договориться по этому вопросу вследствие того, что правительства США, Великобритании и Франции пришлось изменить свою позицию в этом деле и снять свои возражения против законных требований советского правительства в отношении бывшей германской собственности в Восточной Австрии. Именно отказ трёх западных правительств признать законные права Советского Союза на это имущество и служил главным препятствием к достижению соглашения по австрийскому вопросу, хотя обсуждению австрийского договора одни заместители министров иностранных дел посвятили более 160 заседаний.

Соглашением о договоре с Австрией были урегулированы и другие важные вопросы, оставшиеся спорными между Югославией и Австрией. Югославии были обеспечены её экономические интересы путём передачи ей австрийской собственности на югославской территории. Была обеспечена также и защита прав словенского и хорватского национальных меньшинств в Бургенланде, Каринтии и Штирии. Относительно югославских территориальных претензий к Австрии надо сказать, что уже два года тому назад, т. е. задолго до Парижской сессии Совета министров иностранных дел, представители Югославии вели за спиной Советского Союза тайные переговоры с представителями Англии в лице Ноэль-Беккера и государственного министра Макнейла, но не добились от них никаких уступок. Ясно, что за последствия таких закулисных переговоров советское правительство не может взять на себя никакой ответственности.

Говоря об итогах Парижской сессии Совета министров иностранных дел, следует отметить наиболее важный итог, — это несомненная неудача курса политики на раскол Германии, на обострение международных отношений, и несомненный успех курса политики на восстановление единства Германии, на улучшение международных отношений, на международное сотрудничество.

Таковы итоги Парижской сессии Совета министров иностранных дел.

Что касается вопроса о подготовке условий для созыва Парижской сессии Совета министров иностранных дел, то в этом деле, как известно, имели место некоторые взаимные уступки как со стороны трёх западных правительств, так и со стороны советского правительства. Советское правительство заявило, что оно согласно снять транспортные и другие ограничения, если три западных правительства в свою очередь согласятся снять свои транспортные и иные ограничения, откажутся от бойкота сотрудничества четырёх правительств и пойдут на восстановление Совета министров иностранных дел. Три правительства пошли на эти уступки.

Я думаю, что и в дальнейшем придётся пойти на некоторые взаимные уступки, совместимые с основами Потсдамского соглашения.